

Профессиональная и общественная деятельность в Усть-Сысольске 1918-1924 годы

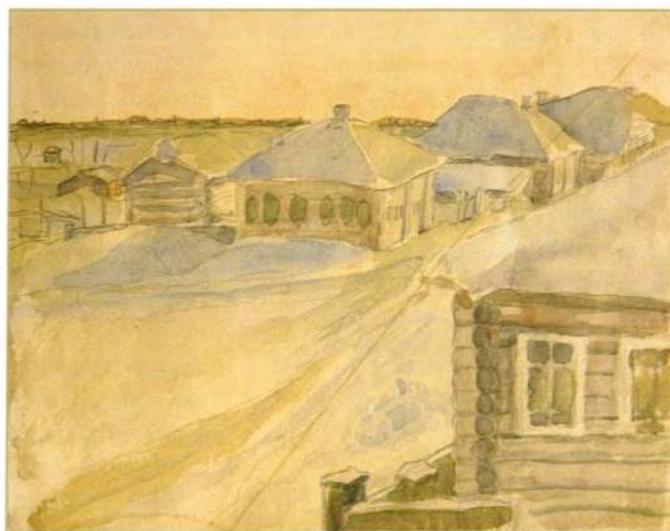
■ Возвращение на родину

В последние два десятилетия в исторической науке идет коренной пересмотр концептуального подхода к революционным событиям 1917 года. Критерии, существовавшие в советской науке, уступили место новым, опирающимся на общедемократические начала. Среди проблем, вызывающих интерес в последние годы, есть и тема выживания в период разгула революционной стихии тех, кто не принял активного участия в ходе свершившейся смены политической власти и государственного строя. Революция и гражданская война, разделившие страну на два лагеря, не оставили вне зоны выбора ни одного человека, жившего в России.

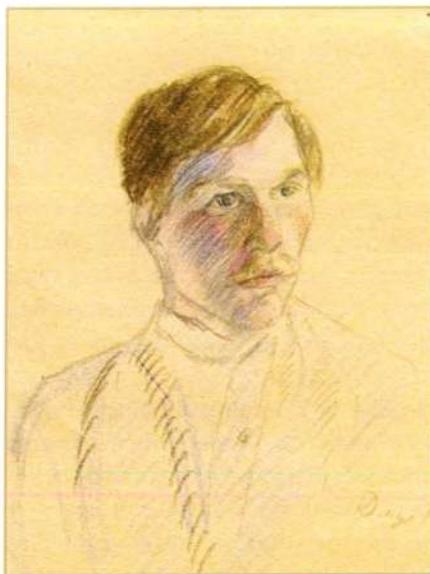
Разобраться в сложных и противоречивых условиях российской действительности с происшедшим сломом государственного строя и социально-экономического уклада было достаточно трудно, тем более представителю художественной интеллигенции, который был увлечен своим делом и не воспринимал близко политические споры. А. В. Холопов не принадлежал к тем людям, кто сделал политический выбор, примкнув к тому или другому лагерю политических деятелей, записавшихся добровольцем в Красную армию или перейдя на сторону белого движения. В то же время бытовые и продовольственные трудности сделали жизнь в Петрограде практически невозможной. Большинство горожан стремилось на периферию, чаще всего в родные края, надеясь облегчить там поиски пропитания.

Выезд из столицы и возвращение А. В. Холопова на родину сопряжены с важными событиями государственного, регионального и личностного характера. На данный момент самым известным событием, вписанным в историю социалистической революции и гражданской войны в Кomi крае, в связи с которым упоминается имя А. В. Холопова, является пребывание и арест в Усть-Сысольске жены бывшего премьер-министра Временного правительства О. Л. Керенской с детьми.

Интерес к этому событию, «забытому» в советской историографии, возродили в 1990-е годы. Произошло это благодаря изданию автобиографической повести П. А. Сорокина «Долгий путь» на русском языке в 1991 году, в которой есть упоминание о данном факте. Публикация книги побудила ряд исследователей к выявлению новых документов и их анализу, в частности, ранее закрытых архивов усть-сысольской ЧК. В мартiroлоге «Покаяние» акцент сделан на мотивах приезда Керенских (отдохнуть после тяжелой и голодной зимы), месте проживания в д. Кочпон (в доме А. С. Холоповой), действиях Усть-Сысольской уездной ЧК по аресту и препровождению в Котлас.

Усть-Сысольская окраина. Каталог, 148

Портрет Николая Викентьевича Холопова.
Каталог, 145

Портрет Ани Холоповой. Каталог, 146

В последние годы исследователи заострили внимание на составе приехавших, кому принадлежала идея приезда, помоши А. В. Холопова в сопровождении и обустройстве, реакции усть-сысольцев на это событие,вшедшее отражение на страницах газеты «Зырянская жизнь». Исследователь Ю. В. Дойков, анализируя политическую деятельность П. А. Сорокина, больше всего обратил внимание на действия Котласской ЧК¹.

Причина отъезда А. В. Холопова в Усть-Сысольск изложена П. А. Сорокиным, который, являясь личным секретарем главы Временного правительства, обратился к Холопову с просьбой позаботиться о О. Л. Керенской с детьми². Сам Сорокин с июня по октябрь 1918 года принимал участие в открытой антибольшевистской борьбе. По заданию Союза Возрождения России он руководил подготовкой восстания против большевиков в районе Великий Устюг – Котлас – Архангельск. Состоявшийся в Архангельске 2 августа 1918 года переворот не достиг своей цели, П. А. Сорокин был арестован, после своего публичного раскаяния и ответной статьи В. И. Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина», при содействии вождя революции, отпущен на свободу.

А. Ф. Керенский был вдохновлен надеждой на уничтожение большевистской власти и в июне 1918 года отправился за поддержкой европейского сообщества в Великобританию. Неудивительно, что при аресте О. Л. Керенской ее обвинили в заговоре с мужем и задуманной попытке бегства в Западную Европу. В то же время каких-либо сведений о том, что П. А. Сорокин заезжал в Усть-Сысольск или поддерживал отношения с пребывавшей в городе О. Л. Керенской, не существует.

Наша задача – оценить факт пребывания Керенских в Усть-Сысольске с точки зрения биографии А. В. Холопова, чтобы выявить его гражданскую позицию в данный период. Отчасти ответ на этот вопрос дают воспоминания еще одной усть-сысольской гостьи Холоповых, Э. О. Бруцкус, – «Революция в России... будет... длительная, невиданная в мире неурядица»³.

Э. О. Бруцкус – супруга известного ученого-экономиста, аграрника, издавшего до революции ряд исследований по статистике сельского хозяйства России Бориса (Бера) Давидовича Бруцкуса (1874-1938). В своих работах он пытался обосновать аграрную политику П. А. Столыпина, критиковал воззрения народников, доказывал несостоятельность экономической системы социализма, в которой отсутствует рынок и жажда обогащения. После февральской революции 1917 года был членом Верховного совета по сельскому хозяйству⁴.

Эмилия Осиповна Бруцкус, урожденная Зайдман (1873-1952), – по образованию врач-стоматолог. Есть сведения, что в 1913 году она занималась врачебной практикой, вместе с семьей проживала в Петербурге по адресу:

ул. Казанская, 47⁵. После революции она не работала, посвятив себя мужу и детям, а в 1922 году вместе с ними эмигрировала в Германию. В Усть-Сысольске супруги Бруцкусы были с детьми и прислугой⁶.

В воспоминаниях Э. О. Бруцкус ярко и подробно освещены условия жизни в этот период в столице и Усть-Сысольске. Автор описывает действительность с двух точек зрения – представителя петербургской интеллигенции и матери-хозяйки, взявшей на себя все хозяйственные заботы о семье.

Включение в научный оборот мемуаров Бруцкус позволяет выяснить, кто летом 1918 года находился в Усть-Сысольске по приглашению Холоповых.

Прежде всего, это Ольга Львовна Керенская (1883-1975), в девичестве Барановская. Ее отец – Лев Степанович Барановский (1855-?), с 1915 года генерал-лейтенант российской армии. О. Л. Барановская посещала Бестужевские курсы, в 1904 году сочеталась браком с Александром Федоровичем Керенским (1881-1970), окончившим юридический факультет Петербургского университета, впоследствии министром и председателем Временного правительства. Однако со временем отъезда в Усть-Сысольск брак Керенских фактически распался. В семье Керенских было двое сыновей – Олег и Глеб, в Усть-Сысольске они находились вместе с матерью⁷.

Как видно из протокола обыска в усть-сысольской квартире О. Л. Керенской, с ней приехали еще мать Мария Васильевна Барановская⁸ и «гражданка Петроградской губернии Зайдеман», но в каком родстве она состояла с супругой Бруцкуса, не установлено.

Таким образом, летом 1918 года по приглашению Холоповых в Усть-Сысольске находились три семьи: О. Л. Керенская с матерью и сыновьями, Бруцкусы (муж, жена, трое детей и прислуга) и семья родственников Э. О. Бруцкус-Зайдеман. За исключением Б. Д. Бруцкуса, все приглашенные – женщины и дети. Вместе с тем это представители высших слоев петербургской интеллигенции, чьи пути в дальнейшем разошлись с идеологией советского государства, и они были вынуждены эмигрировать.

Дневниковые записи Э. О. Бруцкус позволяют точно установить дату приезда Холоповых в Усть-Сысольск. «20 мая. Сегодня уехали мои родные и семья бывшего премьер-министра в деревню на дачу в Вологодскую губернию в Усть-Сысольский уезд. Я решила поездку отложить, пока от них не получатся точные сведения, какое там житье. <...> 30 мая. «Везите махорку» – текст полученной мною сегодня телеграммы. Значит – ехать можно...»⁹.

Поездка по этому маршруту заняла 9 дней (по железной дороге от Петрограда до Вологды, а затем до Усть-Сысольска на пароходе). Учитывая приведенные в дневнике даты и то, что записи переведены на новое летоисчисление, можно сделать вывод, что возвращение Холопова в Усть-Сысольск состоялось приблизительно 29 мая 1918 года.

Местом проживания петроградцев была выбрана деревня Кочпон, расположенная на берегу Сысолы (в настоящее время часть города Сыктывкара), откуда родом А. В. Холопов. Вот так описывает Э. О. Бруцкус обустройство в деревне: «С утра мы собрались в деревню, отстоявшую от города в 9 верстах. Навстречу попадались крестьяне, шедшие в церковь: был воскресный день. Здоровались с нами и все знали, что мы из Петрограда приехали подкормиться. Нам наши знакомые нашли домик, куда мы и направились. Дом был просторный, но убранство очень неказистое. Квартиру мы бы могли и лучше достать, но главное тут «няни» – по-зырянски хлеб. Это значило, что наш

Портрет Александра Викентьевича Холопова. Каталог, 140

хозяин богат хлебом и обещал нас снабжать им – это самое важное, так как у других хлеба лишнего нет и продавать нельзя: узнают – лишнее отберут, а своих жильцов снабдить легче»¹⁰.

«Знакомые» – это супруги Холоповы, в деревне они нашли хозяев, готовых принять постояльцев. Несмотря на произошедшие изменения в деревне, старожилы считают, что один из домов, в которых останавливались приезжие гости, сохранился до настоящего времени¹¹.

По воспоминаниям Э. О. Бруцкус, «жизнь текла сытно: молока было вдоволь, хлеба тоже; картофель и мясо доставали в город...». В то же время автор мемуаров отметила настороженность местного населения к визитерам: «дружелюбного отношения к нам не было...», однажды был назначен сход, на котором «предметом обсуждения служило наше здесь пребывание», «все время идут слухи, что мы все поселились неспроста, что жена бывшего премьер-министра состоит в переписке со своим мужем, который ведет на этот край англичан», «все больше разговоров на хлебную тему, вот чужие понесяхали, а в деревне самим хлеба не хватает»¹².

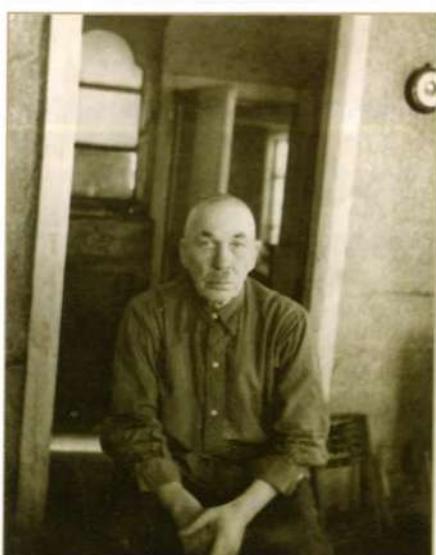
Как видно из записей, неприятие приехавших петроградцев имело в своей основе и бытовую, и политическую закваску. Даже публикация в первом номере газеты «Зырянская жизнь» носила характер местной сенсации. Информация о покупке продуктов О. Л. Керенской на местном рынке по завышенным ценам с обвинением в разжигании спекуляции носила в большей степени скандальный характер.

В следующем номере газеты от 20 июня был приведен ответ Керенской, вступившей в полемику и обвинившей газету в натравливании на нее обывателей. Вместе с тем публикация гражданско-политической позиции О. Л. Керенской («Гибнет Россия – наша родина, в борьбе изнемогают брошенные нами союзники, немцы уже готовы праздновать кровавый пир победы, а для «Зырянской жизни»... важнее, какую цену платят Керенская за продукты»¹³) усугубила положение беженцев. Чтобы не привлекать внимания и спокойно дожить до конца лета, 15 июля «мнимого шпиона Бруцкуса» отправили с провизией в Петроград. Его отъезд не изменил ситуацию. В деревню стали наведываться большевики с расспросами, а 8 августа О. Л. Керенская была арестована.

«Поднялся страшный переполох. Зазвенели бубенчики – большевики усть-сысольские приехали. Подъехали к домику, занимаемому семьей бывшего премьер-министра. Обыск, расспросы о письмах, изъятие из домашнего обихода у этой семьи всей наличности табаку и мыла, вежливо, даже с шутками и прибаутками попросили присесть премьершу на их тройку и прокатали ее в усть-сысольскую тюрьму. Нас пока не допускают; мы страшно обеспокоены»¹⁴.

В ту же ночь Э. О. Бруцкус с детьми и семья Зайдеман выехали из Усть-Сысольска, а 21 августа вернулись в Петроград. Самой «большой» утратой стала потеря родственницей Эмилии Осиповны туеса с маслом. Фрагмент воспоминаний об Усть-Сысольске автор завершает выводом о цели поездки: «Этим неприятным инцидентом (утерей 18 фунтов масла) кончилось наше летнее странствование за тридевять земель, имевшее целью подкормиться досыта самой грубой, простой пищей»¹⁵.

Воспоминания Э. О. Бруцкус представляют особенно большой интерес, тем более что опубликованные записи О. Л. Керенской содержат воспоминания о следующей зиме 1919–1920 годов, которую она провела в Петрограде

Н. В. Холопов в отчём доме, в котором в 1918 году останавливалась О. Л. Керенская с детьми. 1950-е годы.

Из архива Г. Н. Климовой

– «страшную зиму мрака, холода, голода, грабежей с убийствами, обысков с арестами и всех ужасов нашей коммунистической революции»¹⁶. В 1921 году она с детьми через Эстонию выехала в Англию.

Таким образом, не принадлежа к состоятельным кругам общества, А. В. Холопов близко соприкасался с ними. Его круг общения имел достаточно высокий уровень, включающий тех представителей российской интеллигенции, которые в огне революционных событий на какое-то время становились политическими лидерами. Сам Холопов стремился избежать участия в политической жизни, защищая свои позиции свободного художника.

Слом государственного аппарата по-разному отразился на судьбе представителей дореволюционной художественной интеллигенции. Что касается А. В. Холопова, то его помощь О. Л. Керенской во время революционного террора и голода в 1918 году не могла не наложить негативного отпечатка на его дальнейшую жизнь.

■ Проектирование и строительство общественных зданий в регионе

Общая картина положения дел в архитектуре страны в 1917 – первой половине 1920-х годов позволяет выделить два этапа: 1917-1920 и 1921-1924 годы. В основе их обоснования лежат изменения в социально-экономическом положении страны: первый этап характеризуется условиями гражданской войны, военного коммунизма и хозяйственной разрухи, второй – восстановлением народного хозяйства и новой экономической политикой.

1917-1920 годы – это время рождения советской архитектуры, которое проходило в сложнейший период осуществления коренных социальных преобразований. Среди факторов, в условиях которых совершился этот процесс, С. О. Хан-Магомедов называет революционный подъем трудящихся масс, преобладание коллективистских настроений, максималистские требования быстрой перестройки всего жизненного уклада, новый социальный заказ, при котором архитектурное сооружение уже не рассматривалось как средство для получения прибыли, романтику поиска новых художественных образов¹⁷.

Выделяя особенности этого периода, важно остановиться на двух аспектах. Во-первых, в это время практически отсутствовало реальное капитальное строительство, вследствие чего развитие архитектурной мысли в этой области проходило на уровне проектов, которые оставались «на бумаге». Стимулом к проектированию и одновременно предоставленной возможностью работать по профессии стали архитектурные конкурсы, объявляемые новой властью. Ведущим видом проектируемых сооружений стали объекты социального назначения, так называемые «дворцы для народа». Первым конкурсным проектом подобного рода стал Петроградский Дворец рабочих (1919).

Во-вторых, с момента своего рождения советская архитектура была включена в пропаганду складывающейся идеологии и развивалась как агитационное искусство. Художественное оформление праздников, улиц и площадей, массовых театральных действий подразумевало включение малых архитектурных форм, наибольшую популярность среди которых приобрели трибуны, витрины, киоски.

Особая роль отводилась памятникам. В апреле 1918 года Совнарком утвердил декрет «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг и не представляющих интереса ни с исторической, ни с художественной стороны». Практически одновременно с ним был опубликован другой декрет правительства – о сооружении монументов в честь основателей научного коммунизма, революционеров, писателей и ученых.

В совокупности с постановлением об организации конкурсов по выработке проектов памятников эти документы вошли в историю под названием Ленинского плана монументальной пропаганды. На основе плана была развернута широкая государственная деятельность: от объявления конкурсов проектов до непосредственного исполнения памятников. Самое активное участие в этом принимали архитекторы.

Одним из известнейших конкурсных проектов стали крематории в Москве и Петрограде, рассматриваемые как пантеоны-монументы в память погибших в революцию (1919), из первых возведенных монументов – памятник жертвам революции в Петрограде (Л. В. Руднев, 1917-1919).

Контроль над архитектурой осуществлял Народный комиссариат просвещения, под ведомство которого была передана вся художественная жизнь страны. Нарком просвещения А. В. Луначарский, рассматривая вопросы искусства и революции, писал в 1918 году: «Явилась потребность как можно скорее видоизменить внешность городов, выразить в художественных произведениях новые переживания, отбросить массу оскорбительного для народного чувства, создать новое в форме монументальных зданий, монументальных памятников – эта потребность огромна. Сейчас мы можем делать это только в форме временных монументов, которые мы воздвигаем и которые будем воздвигать десятками в Москве, Петрограде и других городах»¹⁸.

Государственная деятельность в области монументальной пропаганды проводилась и в Усть-Сысольске. Впервые вопрос о необходимости возведения на улицах города памятника был поднят в Усть-Сысольском уезде в 1919 году. Инициатива принадлежала членам ячейки РКП(б) села Шошка, которые 12 апреля на страницах газеты «Зырянская жизнь» выступили с инициативой сооружения в Шошке памятника коммунистам, погибшим в борьбе с белогвардейцами¹⁹. В свою очередь, уездный комитет РКП(б) 3 марта 1920 года объявил конкурс на лучший проект памятника, посвященного Октябрьской революции, и на братскую могилу похороненных в Усть-Сысольске. Можно высказать предположение, что единственный специалист-архитектор в городе не мог не участвовать в организации этого конкурса.

Итоги конкурса были опубликованы в газете «Зырянская жизнь», премии были присуждены по трем степеням. Автор, получивший первую и третью степени, имел псевдоним «Звездочка». Под псевдонимом было скрыто имя Е. О. Майхеля²⁰. Вторая премия была вручена художнику-архитектору А. В. Холопову²¹.

Профинансировать строительство памятников собирались «всем миром»: был объявлен сбор средств по подписанным листам уездного комитета РКП(б), планировалось частичное отчисление от сборов всех театральных постановок, открытие выставки проектов с платой за вход в 20 рублей. Одним из спектаклей, проведенных с целью перечисления вырученных средств на устройство памятника Октябрьской революции, стал «Вабергач» («Водоворот») В. А. Савина, показанный в Народном доме в марте 1920 года.

Первый памятник в Усть-Сысольске был открыт 7 ноября 1922 года, в честь 5-летия Октябрьской революции. Он был установлен на братской могиле погибших в годы гражданской войны. Открытие памятника «павшим борцам за свободу» сопровождалось торжественной манифестацией, которая, по воспоминаниям учащихся совпартшколы, стала одним из самых ярких событий тех лет²².

В настоящее время этого памятника не существует. В связи с застройкой Стефановской площади – административного центра Сыктывкара – в 1960-е годы захоронение было перенесено ближе к перекрестку улиц Куратова и Ленина, тогда же был заменен и памятник.

Те идеологические задачи, которые были поставлены перед архитектурой, требовали коренного преобразования ее формообразующих и стилеобразующих основ. Между тем революция, коренным образом изменившая все сферы общественной жизни России, привела к неординарному положению в изобразительном искусстве: здесь победу одержали крайне левые художники и скульпторы и правые архитекторы-«неоклассики». Причину этого Д. С. Хмельницкий видит в том, что после 1917 года фактически была сохранена дореволюционная профессиональная элита: архитекторы почти не эмигрировали, уверенные в том, что отмена частной собственности на землю и ликвидация

частных заказчиков есть благо, которое выльется в мощное строительство, вплоть до создания целых государственных городов²³.

Такая ситуация не могла оставаться долгое время стабильной. В 1919 году в отделе ИЗО Наркомпроса РСФСР была сформирована группа под названием «коллектив живописно-архитектурного синтеза», сокращенно «Живскульптарх», в задачи которой входила разработка новых способов выражения архитектурной и художественной мысли. Именно здесь был начат поиск нового языка архитектуры. Выставка, организованная обществом в 1920 году, стала первым совместным выступлением архитекторов и художников – сторонников авангарда.

Помимо уже рассмотренных вопросов развития архитектурных форм и стилей, важно отметить, что в первые послереволюционные годы была заложена основа структуры архитектурно-строительного дела в стране.

Творческой единицей в советской системе архитектурного проектирования стала архитектурно-художественная мастерская. Рассматривая в настоящее время ее как основную форму организации труда архитекторов, исследователи отмечают как положительные, так и отрицательные стороны ее существования. К несомненным «плюсам» они относят «коллективность», позволявшую браться силами одной мастерской за крупные градостроительные проекты. С другой стороны, в коллективном характере труда они видят и «минус», связанный с тем, что структура мастерской была низведена до уровня цеха. Так, руководитель мастерской (мастер), представившей проект на конкурс или разрабатывавшей его для непосредственного исполнения, и был автором проекта, рядовые сотрудники права на самостоятельную работу не имели.

Первая архитектурная организация нового типа была создана в апреле 1918 года в Строительном отделе Московского Совета под руководством академиков архитектуры И. В. Жолтовского и А. В. Щусева (из сотрудников мастерской было выделено 11 мастеров, по числу районов Москвы). На момент своего создания мастерская могла заниматься только «проектированием на бумаге», но благодаря ее существованию в голодные послереволюционные годы появилась возможность работы и сохранения кадров высококвалифицированных специалистов. Аналогичная архитектурная мастерская была создана в мае 1919 года в Петрограде при Совете коммунального хозяйства под руководством академика архитектуры И. А. Фомина²⁴.

Параллельно шло становление учреждений строительства. Центральным государственным органом по делам строительства стал Главный комитет государственных сооружений (ГЛАВКОМГОСООР), созданный в мае 1918 года. В его функции входило планирование строительства во всех областях народного хозяйства и возведение наиболее важных сооружений, к которым было отнесено строительство первой из гидроэлектростанций – Волжской ГЭС.

Исполнительным органом ГЛАВКОМГОСООРа было Главное управление государственного строительства, среди подразделений которого особое место заняло Управление городского и сельского строительства (Угорсельстрой, позже Архитстрой). Вслед за созданием центрального аппарата Угорсельстроя формировалась сеть его отделов на местах, ряд построек управлений на крупных стройках. В созданную при Угорсельстрое мастерскую на утверждение и переработку стекались проекты со всех концов страны. Здесь разрабатывались образцы типовых зданий на основе направлений проектирования: поселкового, жилищно-больничного строительства, правительственно-административных и культурно-просветительских зданий.

Таким образом, уже на первом этапе развития советской архитектуры, несмотря на сложные социально-экономические условия, закладывались основы будущей системы архитектурного дела в стране. Действовал социальный заказ, имевший агитационную направленность и принимавший, как правило, форму конкурсов. Если организовывали конкурс малых архитектурных форм, нередко победители могли реализовать их. Все это

Проект Здания спорта. Перспектива. Каталог, 4

привело к тому, что основной контингент архитекторов сохранился и продолжал работать. Одним из них был А. В. Холопов.

Представление о том, какое развитие получило его архитектурное творчество в условиях Усть-Сысольска, находившегося вдалеке от центров, где «кипела» художественная жизнь, может дать проект Здания спорта, выполненный им в 1919 году.

Прежде всего необходимо рассмотреть предпосылки, сложившиеся для проектирования первого спортивного сооружения в Усть-Сысольске.

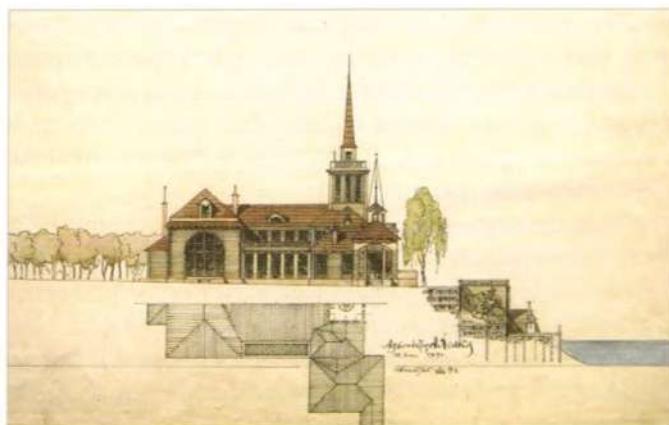
Зарождение основных видов спорта в России пришлось на конец XIX – начало XX веков на фоне общемирового интереса к спортивным соревнованиям: с 1896 года были возобновлены Олимпийские игры, в европейских странах стали создаваться спортивные национальные клубы. В России спортивные клубы были созданы в Москве (1896) и Петербурге (1897), ряде губернских центров; по отдельным видам спорта стали проводиться соревнования, от межклубных до первенства страны. В 1913 и в 1914 годах были проведены две общероссийские олимпиады. В годы первой мировой войны спорт получил дальнейшее развитие. На него обратили внимание в действующей армии. В частности, когда русский военный флот оказался замороженным в водах Балтийского моря и его командование было озабочено проблемой досуга моряков, оно стало поощрять занятия спортом. В то же время сооружения для занятий спортом в дореволюционной России практически не строились.

Массовое развитие спорта среди гражданского населения началось в послереволюционные годы, вместе с созданием регулярных частей Красной Армии и особенно Всевобуча, в отрядах которого готовились спортивные инструкторы и тренеры. Именно в эти годы занятия спортом охватили не только столицу и центральные районы, но и регионы. Условиями появления данного вида досуга в Усть-Сысольске были оживление общественной жизни в разных видах, иммиграционные процессы и появление людей, знавших физкультуру ранее, материально-технические возможности.

До революции спорт в Усть-Сысольске не был развит. Единственной спортивной площадкой был каток на льду Сысолы. Первый каток организовали ссыльные, а в начале XX века площадку под него расчищали уже сами горожане. Пользовались им в основном молодые люди из семей интеллигенции, оплачивая по 2 рубля за очистку льда и освещение²⁵.

Проект Здания спорта. Фасад. Каталог, 6

Проект Здания спорта. Боковой фасад. Каталог, 9

В исследованиях, посвященных истории спорта Республики Коми, среди самых популярных его видов, получивших развитие на рубеже 1910-х – 1920-х годов в Усть-Сысольске, названы: футбол, стрелковый спорт (восходящий к охотничьим пристрастиям населения), лыжные гонки, легкая атлетика, гимнастика и баскетбол²⁶. Так, уже зимой 1918–1919 годов была организована лыжная станция, а летом 1919 года состоялись первые неофициальные футбольные матчи. Близость военных действий во второй половине 1919 года отодвинула спортивные интересы, но уже 1 марта 1920 года при городском отделе всеобщего военного обучения был создан военно-спортивный клуб «Заря», руководили им В. В. Завьялов и Н. М. Жеребцов²⁷.

С начала 1920 года на страницах газеты «Зырянская жизнь» была развернута агитационная кампания по записи в клуб «Заря». Сообщалось, что «в ближайшее время будут культивироваться лыжный и конькобежный спорт, аппаратная и сокольская гимнастика, фехтование, хоккей, баскетбол; летом на спортивной площадке – легкая атлетика, футбол, лаун-теннис, велосипедная езда, на реке – гребной и парусный спорт»²⁸. Как видно из перечисленного, в Усть-Сысольске были продекларированы те направления, которые получили наибольшую известность в стране.

Следовательно, идея архитектурного проекта появилась у А. В. Холопова одновременно с созданием спортивного общества. Необходимость в таком спортивном сооружении была выявлена самим архитектором. Это была точка зрения специалиста, имевшего опыт столичного жителя и архитектора. В столице в предреволюционные годы придавали значение строительству общественных зданий, связанных со сферами досуга. Выбор спортивного назначения здания был достаточно новым для того времени.

Архитектурная мысль А. В. Холопова соотносилась с обсуждаемыми планами развития спорта в городе. Проектируемое здание было рассчитано на занятия разными видами спорта: планировался большой спортивный зал, павильоны с круглыми аренами, крытые галереи с легкоатлетическими дорожками. Близость реки подразумевала возможность использования в зимнее время катка.

Это было первое здание, спроектированное после революции для Усть-Сысольска, отразившее идею преображения архитектурного облика города. Сделать окружающую среду соответствующей новым социальным принципам А. В. Холопов решил с проектирования общественного здания «для народа». Знаменателен тот факт, что это сооружение относилось к сфере досуга. Таким образом, свое назначение после 1917 года архитектор связывал с культурно-просветительской миссией, видя свою непосредственную задачу в строительстве тех зданий, которые должны были поднять культурный уровень коми народа. Такой взгляд, основанный на улучшении жизни людей путем просветительства, был характерен и для других первых представителей коми интеллигенции, например, К. Ф. Жакова²⁹.

Другой вопрос связан с выбором формообразующих и стилеобразующих характеристик здания. Несомненно, внешний вид здания должен был резко отличаться от общей застройки города. В сущности, в первом усть-сысольском проекте А. В. Холопов воплотил столичные идеи строительства «дворцов для народа», обратившись к классическим традициям.

Проект Т-образного здания выполнен по строгим законам симметрии, имеет протяженный фасад с двумя симметричными крыльями в виде крытых галерей, заканчивающихся павильонами. Возвышающаяся над общим уровнем здания центральная часть задает всему строению вертикальный ритм, поддержанный чередой вертикальных опор – пилонов, высоких оконных проемов. Пирамидальный шпиль, завершающий центральную башню, дополнен двумя шпилями над павильонами. Выделен в проекте и центральный портал, являющийся одним из канонов классических традиций. Взгляд столичного архитектора подразумевал и частичное обустройство набережной, включающее площадку перед входом, лестничные спуски с ограждениями. Построить здание спорта планировалось на берегу реки Сысолы, вблизи от центра города.

Местоположение спортивного сооружения, его высота, которую создавал центральный пирамидальный шпиль, дворцовый внешний вид – все это подчеркивало значимость строения в архитектурном облике города.

Таким образом, в 1919 году был сделан первый проект здания для Усть-Сысольска, который свидетельствовал, что в городе появился зодчий, способный поставить задачу изменения архитектурной среды. Проект, вписываясь в общее направление развития архитектурной мысли в стране, отражал и своеобразие эпохи – мечту о создании для провинциального города спортивного сооружения, «дворца для народа».

Изменения в архитектурной жизни страны в следующий период, с 1921 по 1924 год, также нашли отражение в профессиональной деятельности А. В. Холопова на родине.

Второй этап вошел в историю страны как время крутого поворота в экономической политике молодого государства. Реформы были необходимы для перехода от завоевания политической власти к созданию материально-технической базы нового общественного строя. В эти годы, в еще достаточно сложных условиях, уже было начато реальное строительство. Главное внимание уделялось осуществлению плана ГОЭЛРО, в соответствии с которым основные средства направляли на сооружение электростанций и создание рабочих поселков. Особое значение приобрели вопросы градостроительства. Архитекторы работали над планами реконструкции и расширения Москвы, Петрограда, региональных центров, основываясь на популярной в те годы концепции «города-сада», которая предполагала создание вокруг крупных промышленных центров благоустроенных поселков для рабочих.

Развитие архитектурной мысли проходило в рамках ожесточенной борьбы, в которой формировался авангард, оттесняя прежние достижения. Теоретическая разработка основ нового стиля, получившего в архитектуре название «конструктивизм», осуществлялась, прежде всего, в недрах создаваемых государственных учреждений.

Отсчет этому направлению условно ведется с 1921 года, когда состоялось организационное собрание архитекторов, на котором были провозглашены принципы нового стиля. Группа конструктивистов сформировалась в Институте художественной культуры (ИНХУКе), действовавшем с 1920 по 1924 год при отделе изобразительных искусств Наркомпроса. Основной целью учреждения института было создание науки, которая должна была заняться исследованием основных элементов как отдельных искусств, так и искусства в целом. О крайне «левом» направлении разработок ИНХУКа может свидетельствовать факт, что его первым председателем стал В. В. Кандинский.

В 1921 году при Наркомпросе РСФСР под эгидой Главнауки была создана Российской Академия художественных наук. Академия представляла собой научное учреждение, «имевшее целью всестороннее исследование всех видов искусств и художественной культуры». Первоочередной задачей Академии являлось решение проблемы синтеза искусств, которое должно было происходить на основе аналитического изучения отдельных искусств. Кроме того, помимо чисто научной деятельности, Академия являлась экспертно-консультативным органом по вопросам искусства, в ней выполняли ответственные поручения Наркомпроса, включая разработку учебных программ. Прямой обязанностью Академии была и организация крупнейших выставок, прежде всего за рубежом.

В апреле 1922 года в Академии прошло слияние художественных секций, в результате была создана секция пространственных искусств. Это была еще одна государственная структура, в недрах которой формировался новый стиль. Дальнейшее развитие авангарда шло в рамках творческих объединений архитекторов-новаторов, первые из которых – АСНОВА и ОСА – появились в 1923 и 1925 годах.

Позиции неоклассиков оставались достаточно сильными в тех объединениях архитекторов, которые действовали еще до революции и активизировались в начале 1920-х годов. Прежде всего, следует назвать Московское и Петроградское (с 1924 года – Ленинградское) архитектурные общества, Общество художников-архитекторов. Как правило, в этих обществах была представлена сложившаяся еще до 1917 года элита архитекторов. Эти группы сохранили

Народный дом. Вид с Базарной площади. Усть-Сысольск, 1909 год. Из фондов Национального музея Республики Коми

задачей члены объединения считали изучение специфики и синтетического взаимодействия основных видов искусства: живописи, графики, скульптуры, архитектуры, принципов градостроительства. Члены общества придерживались традиций мирового искусства и культуры, приоритетами художественного творчества были объявлены высокий профессионализм и эмоциональная содержательность произведений. Однако деятельность этого общества не оказала сильного влияния на мир архитектуры и искусства 1920-х годов.

Становление авангарда осуществлялось на основе побед в конкурсах и осуществления проектов нового стиля. Крупнейшими архитектурными событиями этого этапа стали конкурсы на проектирование сельскохозяйственной выставки (1923) и Дворца труда в Москве.

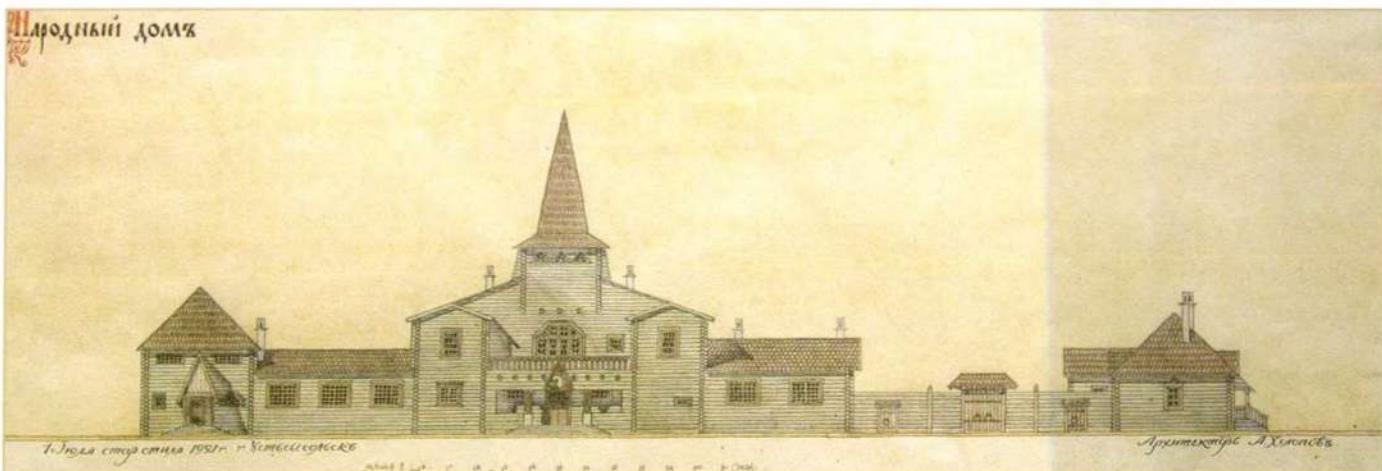
В 1923 году в стране состоялось крупнейшее архитектурное событие первой половины 1920-х годов – Всероссийская выставка, которая в литературе упоминается по разному: Всероссийская выставка художественной промышленности, Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка, Всероссийская сельскохозяйственная выставка. Эти названия, по сути, определяют ступени ее подготовки. При строительстве выставки наряду с неоклассическими формами объемно-пространственных композиций были использованы новейшие конструктивные деревянные системы нового стиля. Авторы выставки А. В. Щусев и И. В. Жолтовский прочно вошли в советскую архитектурную элиту, а конструктивизм как новый стиль открыто заявил о себе в зодчестве.

Значимость строительства выставки связана еще и с тем, что в ходе работы над ней сложилось разделение труда, при котором разными архитектурными организациями и лицами были выполнены заказы как по отдельным павильонам, так и по разработке рабочих чертежей и шаблонов. Зарекомендовавшие себя архитекторы, мастерские, подрядчики, субподрядчики были включены в качестве исполнителей на строительные объекты в дальнейшем.

Особое внимание этому факту уделялось в связи с тем, что Главному комитету государственных сооружений не удалось добиться полной централизации проектирования и строительства в стране: в структуре ряда наркоматов были сохранены проектно-строительные отделы дореволюционных министерств, а в главках ВСНХ, в связи с попытками развернуть жилищное строительство, создавали собственные проектные группы. С переходом к НЭПу параллелизм

право проведения конкурсов, которое всегда было своеобразным рычагом контроля основных направлений дальнейшего развития архитектуры. Тем не менее традиционные общества постепенно теряли лидирующие позиции в архитектурной жизни.

Помимо авангардных объединений, были попытки осмыслить происходящее по-новому и на основе взглядов, сформированных в начале XX века. Из обществ, созданных в первой половине 1920-х годов, идейные платформы которых были близки взглядам А. В. Холопова, прежде всего следует выделить общество «Четыре искусства», созданное в 1924 году художниками и архитекторами разных поколений. Среди членов-учредителей общества были однокурсники А. В. Холопова по Московскому училищу живописи, ваяния и зодчества: П. В. Кузнецов, К. С. Петров-Водкин, М. С. Сарьян, П. С. Уткин. Своей

Проект Народного дома. Фасад. Каталог, 10

организаций проектирования усилился, так как кредиты стали распределять непосредственно по ведомствам. ГЛАВКОМГОСООП утратил функции общегосударственного органа регулирования строительства и был ликвидирован.

На региональном уровне особую значимость на профессиональную деятельность А. В. Холопова оказало преобразование в 1921 году Коми края в Коми автономную область.

Приобретение Усть-Сысольском столичного статуса поставило перед местными властями задачу выработки нового взгляда на его внешний облик. В 1921 году был создан областной комитет государственных сооружений, на который возложили обязанности строительства объектов народного хозяйства на уровне области. Если ГЛАВКОМГОСООП имел в своем штате архитектурную мастерскую, то в Коми области была введена штатная должность архитектора, на которую пригласили А. В. Холопова³⁰.

Штатный архитектор в Усть-Сысольске появился впервые. Город нуждался в кардинальной перестройке. Городской план, утвержденный еще в конце XVIII века, не вызывал сомнения в рациональности и изящности. Но строительство домов в течение многих десятилетий без учета их функциональных задач приводило к нарушению классических градостроительных канонов. Изменить облик города можно было только при правильном решении строительства новых зданий с учетом их функций. Предложить современное расположение новых учреждений, изменить городской облик и профессионально внести изменения в городскую среду мог только А. В. Холопов.

Уже в 1921 году А. В. Холоповым было разработано два проекта: один из них, Народный дом, предназначался для осуществления по всей автономной области, второй, Дом искусств, – для Усть-Сысольска.

Первые народные дома появились в Российской империи в конце XIX – начале XX веков как учреждения, связанные с организацией досуга горожан. Организация народных домов и строительство под них специальных зданий стало фактом культурной жизни не только центра, но и провинции.

В 1899 году архитектором В. Н. Пясецким по поручению Главного Управления неокладных сборов и казенной продажи питьев Министерства финансов были разработаны требования к строительству народных домов. Обязательным условием проекта являлось наличие зрительного зала с постоянной сценой «самого простого устройства», нескольких помещений меньшего размера – для чайной или буфета и читальной комнаты, причем эти

Архитектурный пейзаж. К проекту Народного дома. Каталог, 13

А.Холоповъ
11-о Сент. стар. с.п.
1921 г.
г. Устьбесбогольскъ

помещения следовало расположить так, чтобы, имея внутреннее сообщение, «зрительный зал, чайная и читальня могли функционировать независимо друг от друга»³¹.

Лидером в строительстве и организации народных домов стал Петербург. В 1900 году был открыт самый большой культурный центр для широких масс в Российской империи – Народный дом императора Николая II. Основой здания стал привезённый из Нижнего Новгорода художественный павильон Всероссийской выставки 1896 года (архитектор А. Н. Померанцев). Строительством подобных зданий занимались и Ф. И. Лидваль, и Р. Ф. Мельцер. По проекту Р. Ф. Мельцера был построен Народный дом-библиотека для рабочих завода Э. Нобеля в Петербурге (1897-1900). Ф. И. Лидвалем выполнен проект Народного дома для рабочих Лысьвенского чугунолитейного завода в Пермской губернии (1915, совместно с Р. И. Китнером).

В Усть-Сысольске народный дом существовал с 1890-х годов. Построен он был как Народный дом общества трезвости, а в начале XX века стал популярен как общественно-культурный центр, в котором имелась библиотека, устраивались танцевальные вечера, где играли любительские оркестры, показывали постановки любительских городских театральных групп, здесь же выступали приезжие артисты, лектора, в августе 1905 года прошел первый киносеанс³².

В послереволюционные годы в Коми крае развернулось движение за создание народных домов. Газета «Зырянская жизнь» активно освещала процесс их становления на селе, сообщая, что в апреле 1918 года в селе Корткерос из местной молодежи был образован культурно-просветительский кружок, назвавший себя обществом «Народный дом»³³. Народные дома были открыты также в селах Сторожевском, Большегорском, Палауз и др.

К 1922 году в трех уездах Коми области (Сысольском, Усть-Куломском, Ижмо-Печорском) насчитывалось 27 народных домов в уездных центрах, волостных селах и деревнях. Однако уже в 1923 году в списках политко-просветительских учреждений их количество уменьшилось до 21. Пять действовали в райцентрах и Усть-Сысольске, 16 – в волостных центрах. Наиболее приемлемой и распространенной формой организации просвещения и досуга на селе стала изба-читальня. Избы-читальни действовали в 72 населенных пунктах³⁴. В дальнейшем народные дома постепенно теряли свои функции, превращались в рабочие клубы, библиотеки, помещения занимали различные учреждения и ведомства. Ушло из употребления и само название этого культурно-просветительского учреждения.

Проект Народного дома был разработан А. В. Холоповым в период наибольшего распространения этой формы организации просвещения и досуга в Коми АО и предназначался прежде всего для села. В июне 1921 года, в докладной записке в бюро по организации Всесырянского съезда работников просвещения, архитектор писал: «... я спешу окончить проект Народного дома к открытию съезда»³⁵.

А. В. Холопов мог быть знаком и с типовыми проектами народных домов, разработанными до 1917 года. Он остановился на варианте многофункционального здания. В его внутренней планировке были выделены помещения под театр (зрительный зал со сценой, гримерные комнаты), библиотеку-читальню с книгохранилищем, чайную с кухней. В проекте объединены несколько построек: само здание с основными помещениями, дом-флигель, внутренний двор, огороженный забором с архитектурно выделенным входом. Главное здание симметрично, Т-образной формы, с протяженным фасадом. Его двухэтажная центральная часть заканчивается башней с пирамидальным шпилем, имеет выделенный центральный портал, ограниченный двумя ризалитами и балконом с балюстрадой. Декор здания умерен и сосредоточен у главного входа. В случае реализации проекта здание могло стать ярким образцом провинциальной деревянной архитектуры модерна в ее северном, более скромном наружном декорировании, варианте.

Народный дом был первым проектом, разработанным А. В. Холоповым и предназначенным для массового строительства. Таким образом, уже в 1921 году в области была поставлена задача типового проектирования, которая

решалась местными силами, с учетом имевшихся условий. Выбор в качестве первого подобного здания культурно-просветительского учреждения, отражая положение дел, в большей степени, с нашей точки зрения, определен взглядами самого архитектора.

Второй попыткой А. В. Холопова внести коренные изменения в архитектурный облик Усть-Сысольска стал проект перестройки здания клуба «Звезда» под Дом искусств. Речь идет о перестройке одного из каменных строений города – бывшего торгового дома Дербеневых³⁶. В здании с июля 1918 года до мая 1922 года действовал политический клуб «Звезда». Клуб был создан коммунистами города с целью проведения массово-политической работы среди населения и красноармейцев гарнизона. При клубе работали 11 секций (студий): политическая, музыкальная, драматическая, по ликвидации неграмотности и др. В помещении клуба проводились митинги, конференции, собрания, лекции, концерты, ставились спектакли, здесь располагалась вторая городская сценическая площадка (первая – в Народном доме).

По проекту, предложенному архитектором, предполагалось достроить второй этаж здания и сделать перепланировку стен. Большая часть помещений Дома искусств отводилась театру, предусматривавшему зрительный зал со сценой, служебные помещения, фойе. Увеличение объемов здания было сделано в целях обустройства зрительного зала. Помимо партера, в зрительном зале был бельэтаж, а также шесть симметрично расположенных боковых лож на уровне второго яруса. «По-столичному» выглядела сцена: с системой освещения, расположенной над ложами, глубоким пространством, удобством смежных гримерных комнат.

Нужно отметить, что проект здания театра А. В. Холопова во многом опирался на те наработки и представления, которые были осуществлены архитекторской мыслью начала XX века. В этот период развитие театра все более становилось доходным делом, требовавшим обустройства помещений и строительства зданий. Здания под театры строились и в провинциальных центрах. Кроме того, требования к театру включали и проекты Народных домов.

Проектирование сооружения, как и в случае со Зданием спорта, осуществлялось одновременно с появлением самих театральных трупп. Любительские постановки, характеризовавшие культурную жизнь Усть-Сысольска в первые послереволюционные годы, привели к созданию профессионального театра. Такой театр в Усть-Сысольске появился в 1921 году, когда в театральное объединение «Сыкомтевчуку» оформилась любительская труппа основателя коми драматургии и театра В. А. Савина (1888–1943).

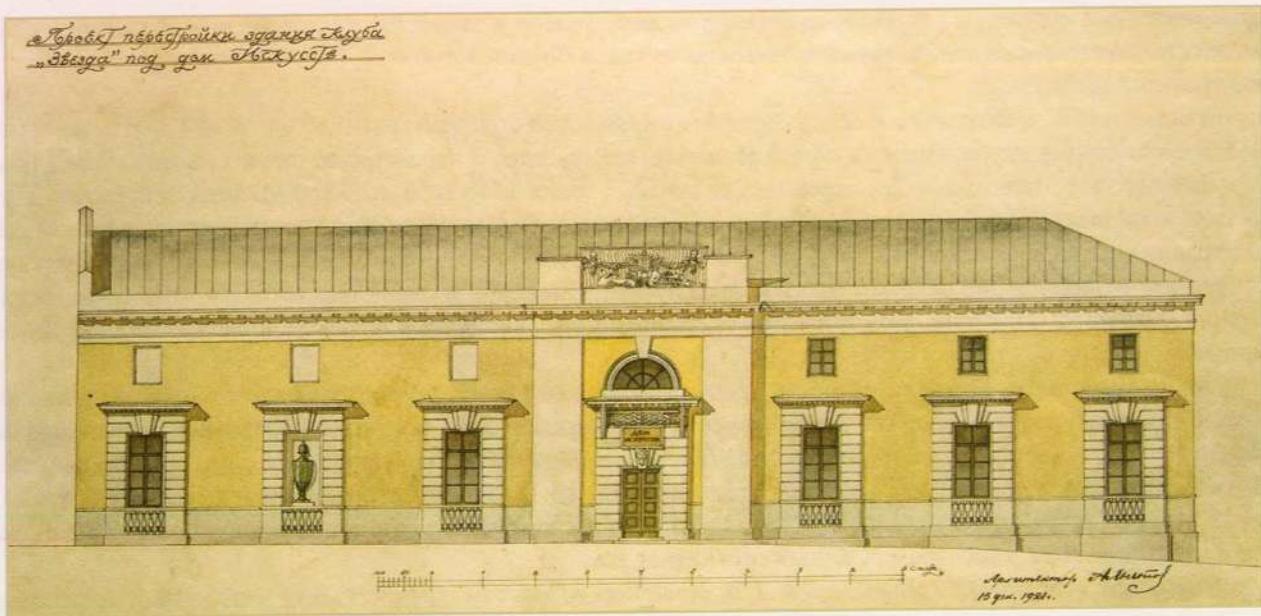
Проект обсуждался на страницах газеты «Югыд туй» («Светлый путь»): ее читатели, раскритиковав местные театральные труппы, поддержали идею строительства нового каменного театра, который «должен по своему величию явиться не только храмом культуры и искусства, но и украшением города»³⁷.

В отличие от здания Народного дома, предназначенного для культурно-просветительских нужд, Дом искусств удовлетворял потребности более образованной и более воспитанной в культурном отношении публики.

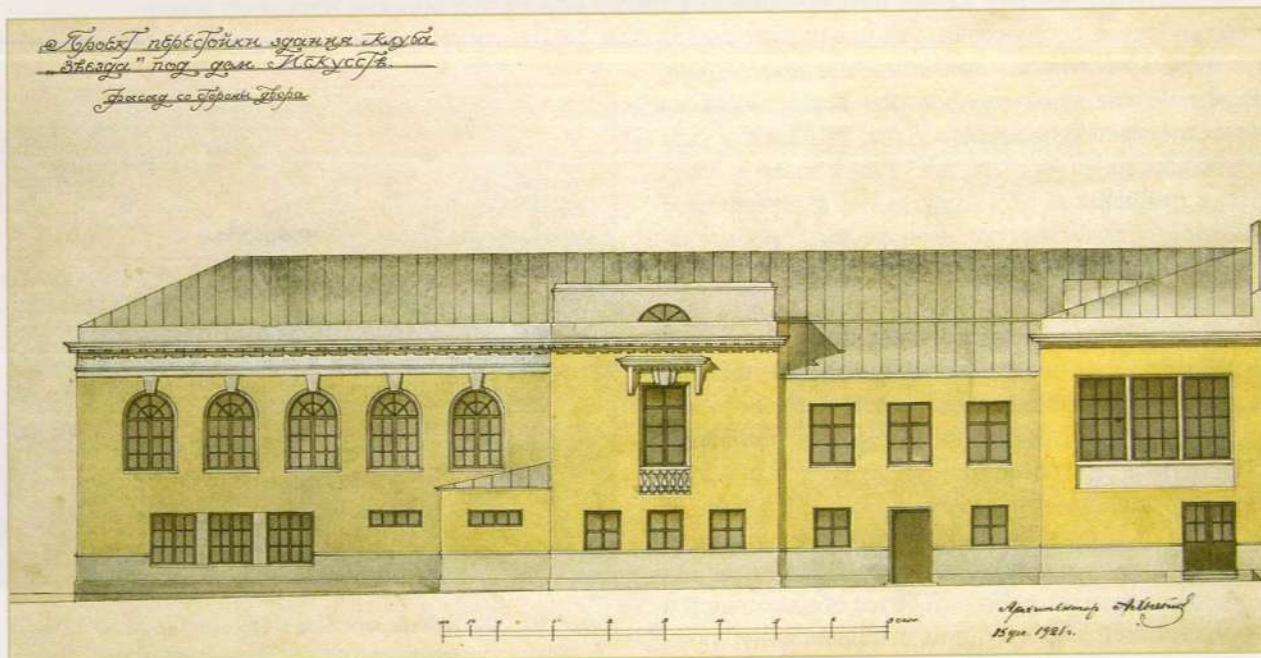
Торговый дом Дербеневых. Усть-Сысольск, начало XX века.
Из фондов Национального музея Республики Коми

*Проект перестройки здания клуба
«Звезда» под дом Искусств.*

Дом Искусств. Проект перестройки здания клуба «Звезда». Фасад. Каталог, 16

*Проект перестройки здания клуба
«Звезда» под дом Искусств.
Фасад со стороны двора.*

Дом Искусств. Проект перестройки здания клуба «Звезда». Фасад со стороны двора. Каталог, 18

Разделяя точку зрения Е. И. Кириченко и Е. Г. Щеболевой на провинциальность как проявление низовой городской культуры³⁸, можно сказать, что Усть-Сысольск к 1920-м годам оставался типичным примером провинциального города. Доля культуры просвещенных слоев населения, определяющая среду столичного и губернского города, оставалась незначительной, основной ее пласт определялся предпочтениями социальных слоев более низкого уровня.

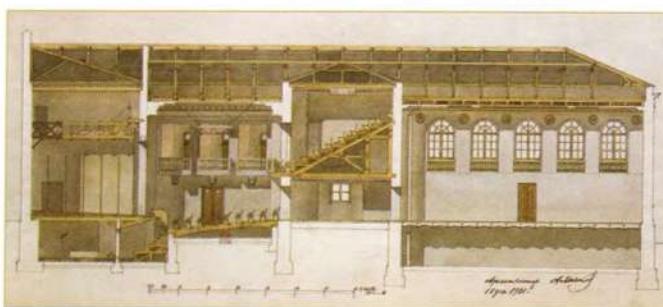
Таким образом, А. В. Холопов создал самый «столичный» из усть-сысольских проектов, приближавший культурный досуг горожан к столичным характеристикам. Проект Дома искусств во многом опережал и существовавшее положение дел (процесс создания коми профессионального театра растянулся на десятилетия), и материальные возможности исполнения. Тем не менее идея А. В. Холопова о перестройке дома Дербеневых была воплощена в жизнь в другом исполнении, уже после его отъезда, когда над частью здания был достроен из дерева второй этаж. В здании в 1930-е годы располагалась типография Кomi государственного издательства (Коми ГИЗа) и редакции местных газет.

Менее всего «вписывавшимся» в историческую обстановку является спроектированное А. В. Холоповым в 1921 году культовое сооружение – церковь. Проект, скорее всего, относится к бумажной архитектуре, не предназначенному для воплощения. Проектированием такого рода занимались многие архитекторы, лишенные возможности работать в послереволюционные годы.

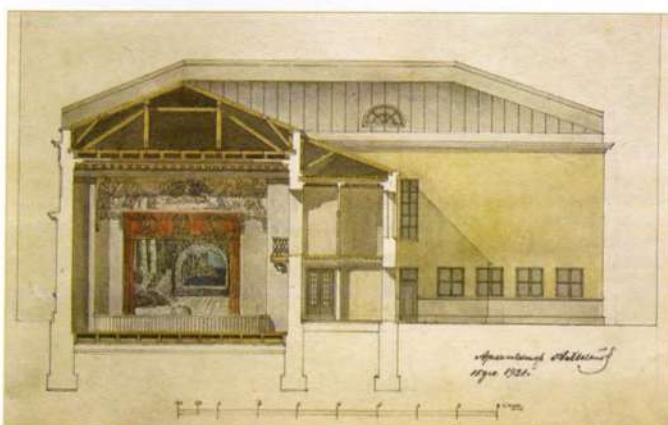
Декрет Советской власти от 20 января 1918 года, отделивший церковь от государства, а школу от церкви, определил основу политики большевиков в отношении Русской православной церкви. У церкви были изъяты все капиталы, земли, здания. На местах содержание храмов перекладывалось на плечи местных религиозных общин. Многие церкви на территории Кomi края уже к началу 1920-х годов были закрыты из-за отказа крестьян выплачивать деньги на их содержание, в то же время на протяжении первых лет Советской власти оставались и действующие храмы.

Политика Советской власти в отношении церкви носила репрессивный характер. Первая волна репрессий пришла на 1917-1920 годы, она выражалась в массовых казнях священников, особенно в период гражданской войны. Что касается управления церковью, то к концу 1920 года высшие органы церковной власти были разогнаны, сама Русская православная церковь была децентрализована (что привело к созданию Русской православной церкви за границей), а высшее управление сосредоточено в руках патриарха Тихона. Однако власть патриарха и православные чувства россиян оказались сильны, это показали события 1921 года.

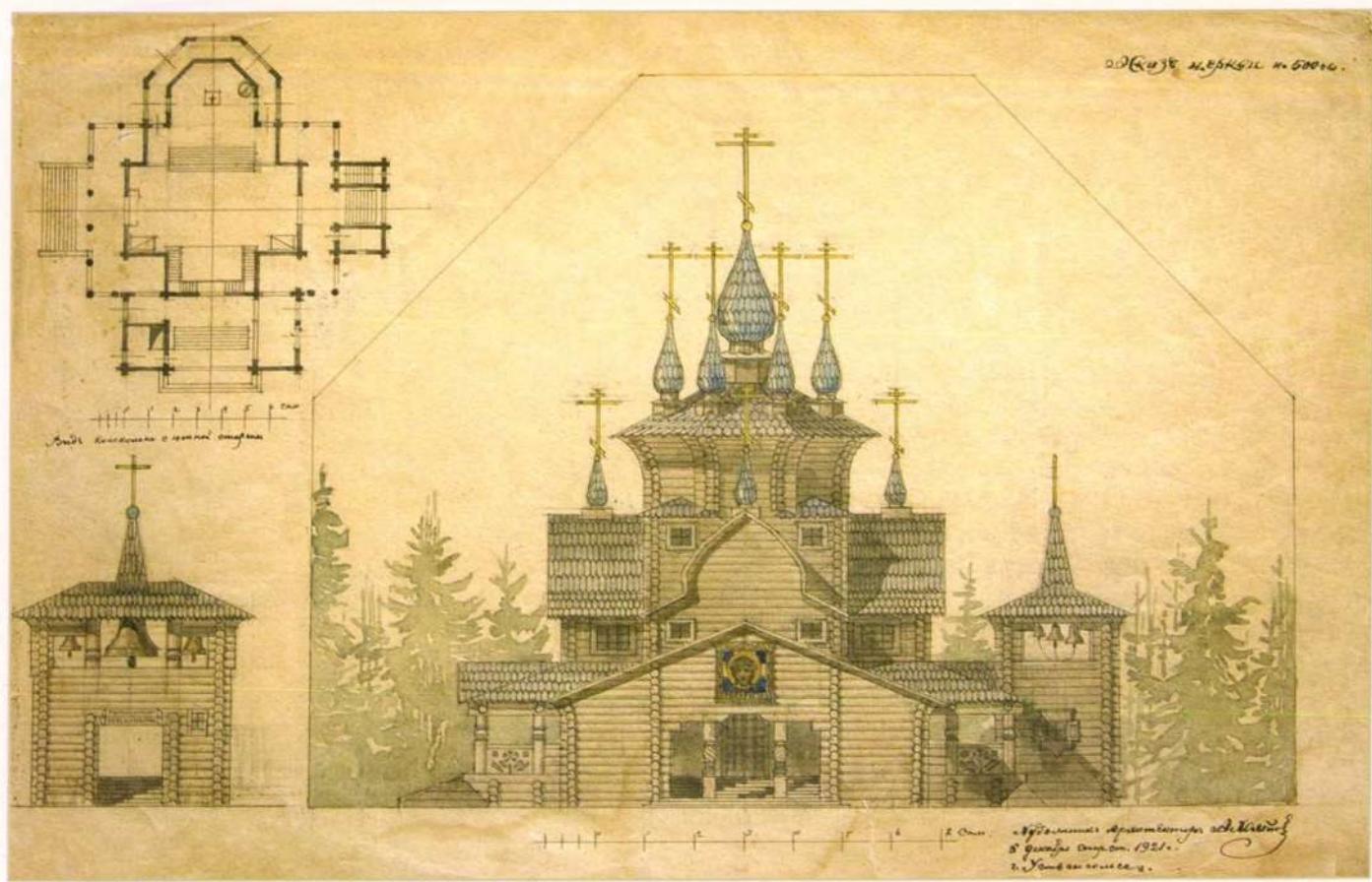
В августе 1921 года под руководством патриарха Тихона был образован Всероссийский комитет помощи

Дом Искусств. Проект перестройки здания клуба «Звезда». Разрез по линии А-В. Каталог, 17

Дом Искусств. Проект перестройки здания клуба «Звезда». Разрез по линии С-Д. Каталог, 19

голодающим Поволжья. Инициатива патриарха была поддержана огромной массой верующих, что свидетельствовало о популярности церкви среди населения и побудило власть через неделю комитет закрыть. Вторая волна репрессий началась с изъятия церковных ценностей под предлогом помощи голодающим Поволжья. Репрессии были узаконены вышедшим 23 февраля 1922 года декретом ВЦИК «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих».

Эскизы церкви были созданы в период противостояния патриарха Тихона уничтожающей церковь политике Советской власти, когда возродились надежды верующих на сохранение православного вероисповедания в стране. К тому же в 1921 году на одной из окраин Усть-Сысольска, в местечке Кируль, были собраны с прихожан деньги и заготовлены материалы для строительства часовни. Строительство храма не было возможным, оно откладывалось, а в 1924 году на общем собрании жителей было принято решение использовать все заготовленные материалы на строительство школы³⁹.

Проекты А. В. Холопова включают два варианта церкви. Оба варианта представляют собой многоярусные и многоглавые храмы, с индивидуальной компоновкой объемов и деталями, подчеркивающими индивидуальность силуэта каждого из сооружений. Вместе с тем автор использовал идущие из глубины веков формы храмового деревянного зодчества. В одном из проектов использована имитация наиболее древней формы церкви, строящейся в форме жилого дома с прирубами, имевшего двухскатную крышу и главки с крестами.

Более сложен проект второго варианта церкви, рассчитанной на 500 человек. Здесь автор использовал наряду с четырехгранной восьмигранную форму сруба (традиционный храм восьмерик на четверике), отказался от характерного для этого типа церквей шатра. Основной объем сооружения дополнен приделами с четырех сторон, к одному из которых пристроена колокольня. Трехярусность и множество глав луковичной формы, пирамidalный шпиль над колокольней, вертикальные резные опоры, поддерживающие кровлю крыльца, – все это в сочетании с другими элементами должно было отразить идею православного русского храма XX века, заключающего в себе преемственность и новаторство.

Таким образом, в 1921 году А. В. Холоповым была предпринята попытка целенаправленного изменения архитектурного облика города. Взгляд архитектора на Усть-Сысольск опирался на его опыт работы в Петербурге, спроектированные им здания должны были поднять на новый уровень сферы образования, науки и культуры. Все проекты резко отличались от предыдущей застройки города по социокультурному назначению зданий, их индивидуальному архитектурному решению (в городе было принято типовое и народное строительство), удобству внутренней планировки зданий для функционирования в них профильных учреждений. Проекты 1921 года свидетельствуют, что взгляд автора на архитектуру оставался на тех же позициях, что и в 1919 году, и был направлен непосредственно на культурно-просветительское назначение проектируемых зданий. Вопросы культуры, просвещения, духовности – те основы, на которые опирался А. В. Холопов в этот сложный период. Понимая невозможность в уездной среде подняться до ансамблевых проектов, он тем не менее задумал здания, которые, даже находясь в отдалении друг от друга, в случае их осуществления были бы выполнены в едином ключе и могли ассоциироваться как основы для ансамбля.

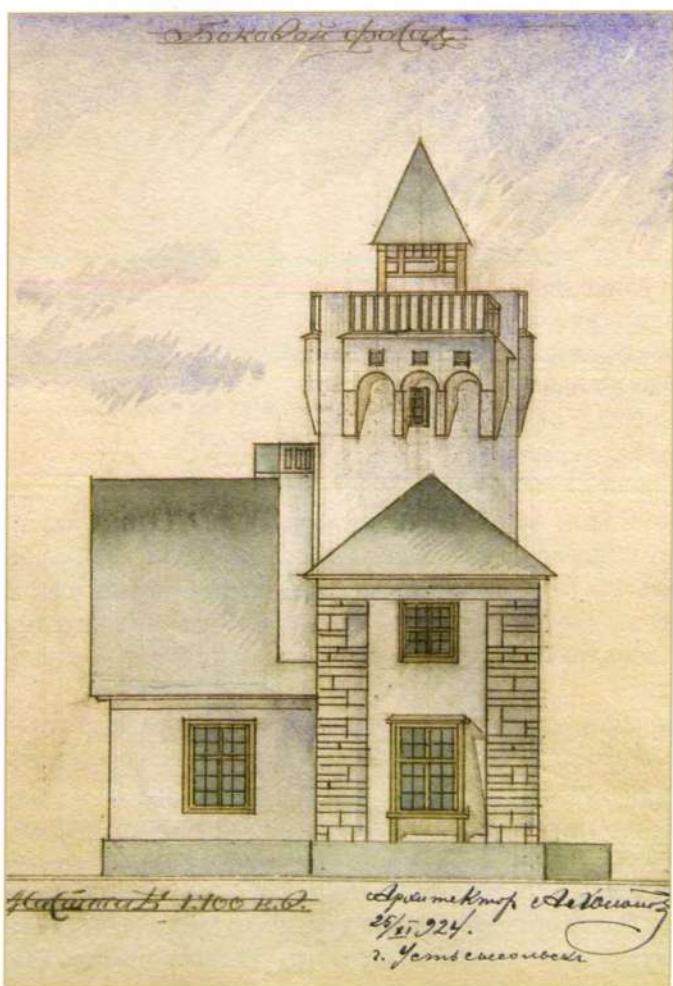

Деревянная церковь для Усть-Сысольска.
Эскиз. Каталог, 14

Рассмотрим примеры реального строительства, которые были осуществлены под руководством первого штатного архитектора Усть-Сысольска.

Одной из первых его разработок стал проект расширения здания усть-сысольской ремесленной школы. Документы содержат записи о том, что проект и смета пристройки были выполнены архитектором в апреле 1922 года для незастроенного планового места № 209, находившегося рядом со школой, однако какие-либо эскизы, чертежи или планы к ним не выявлены⁴⁰.

В 1924 году А. В. Холопов создал проект особого сооружения, предназначенного для учреждения, профиль которого был связан с научными исследованиями в Коми области, – опорной метеорологической станции. Здание было построено в Усть-Сысольске.

Проект опорной метеорологической станции в г. Усть-Сысольске. Боковой фасад. Каталог, 23

Метеорологические наблюдения на территории Коми края велись в Усть-Сысольске с 1880 года. В городе действовала метеостанция 2 разряда, а в селе Усть-Цильма – сельскохозяйственная метеостанция. Однако, в связи с развитием климатологии и метеорологии, уже в начале XX века они не могли выполнять весь объем необходимых работ. В 1914 году Главная Физическая Обсерватория предложила построить в Усть-Сысольске опорную метеорологическую станцию, рассчитанную на длительный многолетний ряд наблюдений, которые бы стали основой для составления климатической характеристики территории. Опорная метеостанция должна была иметь комплекс приборов, определяющих основные метеорологические элементы: температуру, скорость и направление ветра, барометрическое давление, влажность воздуха, и учитывать необходимые инструкции при их измерении. Температура измерялась только на определенной высоте от поверхности почвы. Такие требования предполагали специальное здание под нужды станции, но вследствие начавшейся первой мировой войны его строительство отложили⁴¹.

Вновь вопрос о создании в Усть-Сысольске опорной метеорологической станции был поднят Главной Физической Обсерваторией в 1923 году. На коллегии Обземуправления был заслушан доклад сотрудника отдела наблюдений и поверки приборов Главной Физической Обсерватории физика В. Н. Кедролованского о своевременности и необходимости открытия опорной станции. На основании доклада 21 июля 1923 года было принято

решение областного исполнкома о строительстве, отпуске необходимых лесных материалов и дальнейшем изыскании средств. Под строительство был выделен участок земли в местечке «Вылыс-Тыла»⁴².

Действительное строительство станции началось, когда инициативу в свои руки взяло Общество изучения Коми края. На состоявшемся 20 апреля 1924 года заседании были обсуждены основные вопросы функционирования будущей метеостанции. Профиль ее работы был определен как научный, статус – повышенного типа, создание предполагалось на базе краеведческого музея, при котором «необходимо концентрировать все подобные научные учреждения». Охват наблюдениями природных явлений был достаточно широк, подвергался анализу и должен был выйти на предсказания погоды. Впоследствии метеостанция виделась как центр сети наблюдательных станций, раскинутых на территории Коми области. Такая программа имела четкую задачу: изучить климатические условия области для поднятия результативности сельского хозяйства, выбора приемов его ведения, распространения культур и пр.⁴³

Проект здания был заказан единственному архитектору А. В. Холопову. Летом 1924 года была создана комиссия по строительству метеостанции, в которую вошли заведующие отделами земельного управления А. А. Айбабин, местного хозяйства С. Л. Ярков, представитель ОИКК Д. А. Батиев. К этому времени архитектором был предложен первый вариант постройки, который в дальнейшем был им переработан.

Инициатива Общества изучения Коми края ускорила сроки начала строительства метеостанции, не решив окончательно вопроса ее финансирования. В соответствии с предложением Главной Физической Обсерватории смета на ее строительство была включена в план на 1925 год, но финансирование из центра так и не поступило. Возвведение здания началось осенью 1924 года на местные средства, которые были исчерпаны к началу 1925 года. Незаконченными остались две комнаты на втором этаже, не была возведена крыша. Достраивалась станция осенью 1925 года, когда она считалась уже работающей (первым заведующим метеостанцией был Н. Свинин), и после того как частые дожди нанесли ущерб⁴⁴. А. В. Холопова в это время в городе уже не было.

Единственным зданием, построенным по проекту А. В. Холопова, сохранившимся до настоящего времени, является школа, расположенная по адресу: ул. Кирова, 37. Фундамент был заложен летом 1924 года, для строительства пригласили бригаду плотников из села Ыб, был использован заготовленный ранее лес, о котором уже упоминалось выше. Посильную помощь в возведении школы оказывало население, общественные и строительные организации. Рабочие лесозавода бесплатно распилили необходимое количество досок, мох для стройки был заготовлен пионерами. Строительство проходило в несколько сезонов и было завершено в 1928 году⁴⁵.

Рассмотрим здание, выявляя особенности проекта А. В. Холопова.

Здание школы двухэтажное, близкое к П-образному, фасадом выходит на современную ул. Савина. Общая асимметрия сооружения подкреплена строгой симметричностью отдельных частей и деталей. Левый угол

Здание Гидрометеобюро. Сыктывкар, ул. Совнаркомовская (в настоящее время – Карла Маркса). 1956 год

Школа. Сыктывкар, ул. Виктора Савина, 37

стали главным элементом оформления фасадной стороны здания. Автор использовал в проекте несколько вариантов оконных проемов, отличных по размерам, рисунку внутренних перегородок, индивидуальному расположению.

В 1972 году здание было достроено. К задней части его левого крыла был пристроен двухэтажный учебный корпус из бруса, отделенный от исторической части брандмауэром и несколько исказивший оригинальный облик сооружения.

Школа стала первым зданием, построенным в городе в годы советской власти для нужд образования. Первоначально в нем вместе со школьниками размещались курсы кооператоров и землеустроителей, в 1936-1969 годах – школа-семилетка (восьмилетка), с 1969 года – специальная (коррекционная) общеобразовательная школа № 13.

Постановлением Совета Министров Коми АССР от 30 марта 1971 года № 131 здание было принято на государственную охрану как памятник истории и архитектуры, один из лучших образцов деревянного гражданского зодчества первой четверти XX века⁴⁶. На протяжении десятилетий оно радовало горожан своей архитектурной формой, резко выделяясь в общей и поэтапной застройке Сыктывкара. В настоящее время, после случившегося в 2005 году пожара, здание консервировано и нуждается в реставрации.

Между тем это не только единственное сохранившееся здание, построенное по проекту первого коми архитектора, но и практически представленная единичными сооружениями провинциальная архитектура, отразившая в себе влияние одного из интереснейших стилей первых десятилетий XX века – «северного» модерна.

Помимо строительства метеостанции и школы, в 1924 году также был поднят вопрос об увековечении в Усть-Сысольске имени В. И. Ленина. Постановление Президиума облисполкома от 14 ноября 1924 года признало необходимым сооружение в городе памятника В. И. Ленину. Средства на его сооружение предполагалось использовать из местного бюджета, изыскать добровольные ассигнования со стороны государственных и кооперативных учреждений и организаций, а также населения. В состав особой комиссии по сооружению памятника должны были войти представители Областного исполкома, областного отдела народного образования и облсовпрофа⁴⁷.

Можно предположить участие А. В. Холопова в организации сооружения второго усть-сысольского памятника, однако каких-либо документальных подтверждений пока не обнаружено. Архитектор через несколько месяцев уе-

трактован в виде восьмигранной башни с шатровым завершением. Гармонично сочетается с башней главный фасад, который акцентирует на себе внимание благодаря использованию двойной раскреповки стены с двойным фронтоном. Правый угол уравновешивает фасад, не перегружая его архитектурное решение. Оригинальности общего решения соответствует нестандартная внутренняя планировка, включающая большой двухпросторный зал со сценой, шестиугольные комнаты в башне, классные и подсобные помещения с рекреациями в крыльях здания.

Как и в предыдущих проектах архитектора, значительная роль отводится окнам. Прежде всего, они используются в качестве источника освещения, наполняя внутреннее пространство светом, воздухом, визуально его расширяя. С другой стороны, именно окна в проекте

хал из города. Бюст В. И. Ленину был установлен в 1931 году, в дни празднования десятилетия Коми области.

Таким образом, в 1918-1924 годах были наложены основы архитектурно-строительного дела в стране. Система действовала в течение всего советского периода. Речь идет о структуре государственных планировочных и строительных организаций, подверженных жесткой централизации, от центра – к провинции. Их основное назначение заключалось в руководстве и контроле всем процессом строительства в стране, именно при них были созданы архитектурные мастерские, сосредоточившие в своих функциях вопросы проектирования. В Усть-Сысольске, ставшем областным центром, впервые появился штатный архитектор, который был подключен к задаче формирования нового социалистического архитектурного облика города и области.

Решение данной задачи не было уделом одного человека, оно затрагивало множество самых разных вопросов и структур: и идущих из центра финансовых потоков в область, и решения местных властей, и материально-технических возможностей осуществления строительства на месте, и поддержки общественности. Нам во всей этой пестроте проблемы важен личностный фактор первого коми архитектора – его точка зрения на проблему и усилия, предпринятые для ее решения.

Знаменательно, что строительство первых зданий после революции было осуществлено в сфере просвещения. Эти здания не были основополагающими в изменении городской среды. Следует учитывать невозможность крупного (каменного) строительства из-за отсутствия в городе кирпичных заводов. А. В. Холопову пришлось столкнуться с большими трудностями при воплощении своих проектов. Эти обстоятельства, возможно, и стали причиной поиска нового места работы, дающего возможность приложения сил к собственно архитектуре, а не строительно-организационным вопросам.

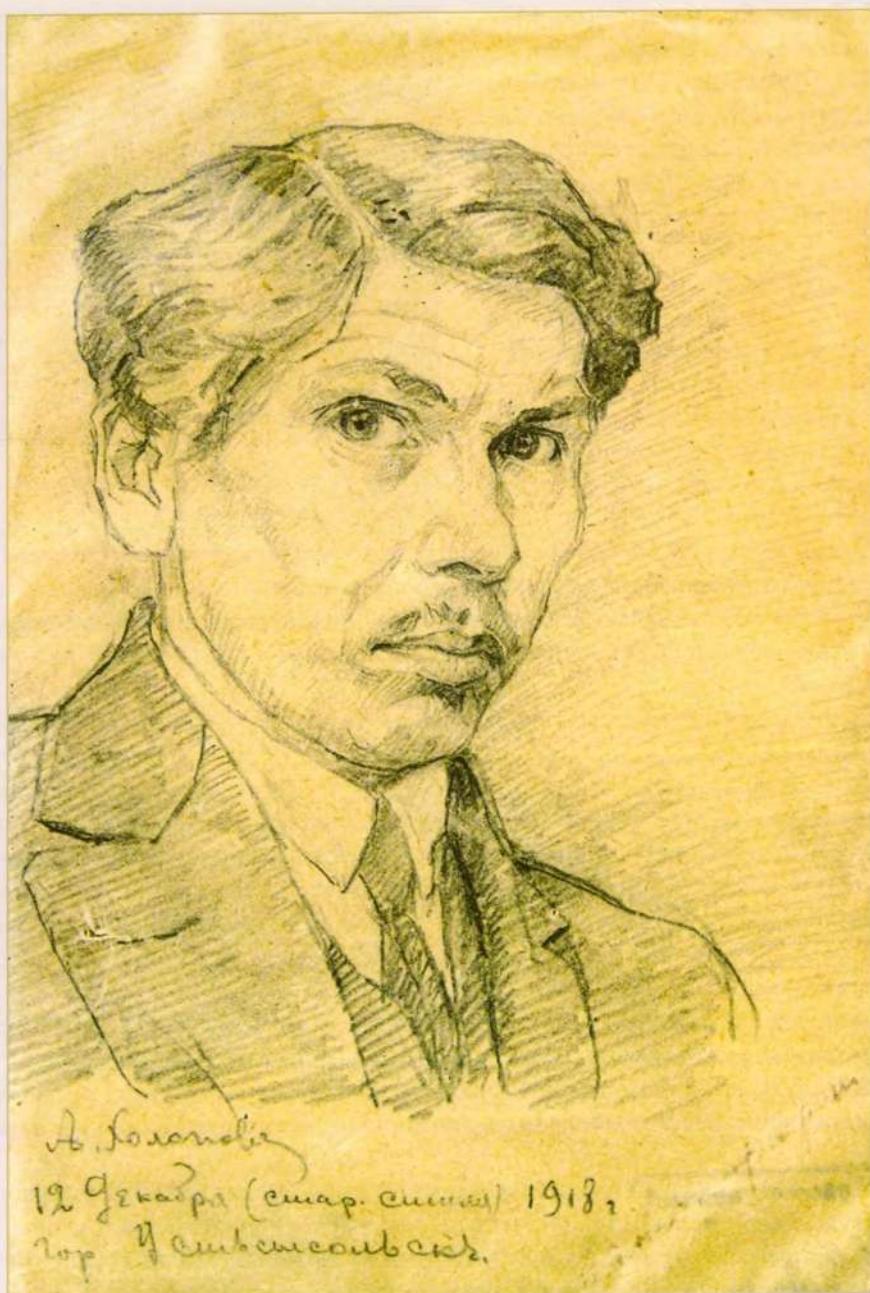
Построенные в сложных условиях здания оказались недолговечны: метеостанция была снесена при плановой застройке района, в крайне плачевном состоянии находится сейчас и здание школы. Деревянное исполнение, индивидуальный облик, позиция властей – все это в разные годы становилось причинами, препятствующими их сохранности.

Более целостно взгляд архитектора представляют его нереализованные проекты. Во-первых, его желание строить в сфере спорта, культуры, просвещения исходит от внутренних мировоззренческих установок, связывающих мечту о лучшей жизни для народа с его просвещением, повышением уровня культуры. Такой взгляд объективно приближает его к взглядам социалистов-революционеров, чьи позиции были сильны в Коми крае накануне и сразу после революции.

Архитектурные позиции А. В. Холопова соответствовали тем канонам, которые были выработаны классикой. В этом сказалась как и вынужденная изолированность от центров архитектурной жизни, где шел поиск нового архитектурного языка, так и собственное видение этой лучшей жизни, опирающееся на гуманистические идеалы. Полученное им образование, опыт работы в Петербурге, мировоззренческие установки стали той личностной основой, на которой создавалось коми региональное проектирование.

Вид школы со стороны ул. В. Савина после пожара 2005 года.
Фото С. Е. Павлюшина

Автопортрет. Каталог, 84

■ За охрану памятников истории и культуры

Мировоззренческие взгляды А. В. Холопова, во многом близкие кругу художников «Мира искусства», определили еще одну из сфер его деятельности как архитектора-художника. Новое государство, претворяя в жизнь идею охраны памятников, которую пропагандировали мирикурсники в дореволюционные годы, активно привлекало их к осуществлению данной идеи. Многие члены общества (А. Н. Бенуа, Д. И. Митрохин, Г. С. Верейский и др.) после революции увлеклись музеинм строительством. Особая роль принадлежала лидеру общества А. Н. Бенуа (1870-1960). Как член коллегии по делам музеев при Наркомпросе он принял непосредственное участие в преобразованиях ведущих музеев Петрограда: Эрмитажа, Русского музея, Музея города. Для А. Н. Бенуа музей был «живым организмом, полным светлой и бодрящей силы искусства, пробуждающей в людях благородство, любовь к красоте мира, к жизни»⁴⁸. Подобный взгляд на музей был присущ и А. В. Холопову. В должностной записке в Коми областной отдел народного образования 8 февраля 1924 года он писал: «...музей должен быть справочником как для прошлой жизни, так и настоящей и маяком, указывающим дорогу для строительства будущей жизни»⁴⁹.

В Усть-Сысольске музей был открыт в 1911 году. Заслуга его учреждения принадлежала Усть-Сысольскому отделу Архангельского Общества изучения Русского Севера (АОИРС). Появление музея в Коми крае было продолжением процесса музеиного строительства, которое развернулось в северных губерниях Российской империи во второй половине XIX века. С другой стороны, сбор и комплектование музея предметами археологии и этнографии, а именно таким видели музей его создатели, является фактором роста этнического самосознания коми народа.

Датой основания музея считается 17 (4 – ст. ст.) октября 1911 года, когда уездное земское собрание приняло постановление о выделении единовременного пособия в размере 100 рублей на приобретение коллекции. Первым директором музея был избран А. А. Цембер (1874-1957), председатель Усть-Сысольского отдела АОИРС, коми этнограф и фольклорист. Благодаря его деятельности музейная коллекция к 1914 году состояла из 67 предметов. Хранилась она в помещении Усть-Сысольской бесплатной народной библиотеки-читальни. В 1915 году музей приостановил свою деятельность в связи с отъездом А. А. Цембера в Вологду⁵⁰.

С первых дней Советское государство четко определило политику в вопросе сохранения культурного наследия и музейного дела. Вскоре после Октябрьской революции стали формироваться государственные органы охраны памятников архитектуры и искусства, которые возглавил учрежденный при Наркомпросе Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины. Совет Народных комиссаров издал декреты «О регистрации, приеме на учет и сохранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» и «О запрещении вывоза за границу предметов искусства и старины», положившие начало созданию системы учета и охраны исторического и культурного наследия. Действенность налаживавшейся системы во многом зависела от положения на местах. Вслед за созданием Всероссийского отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины были созданы губернские органы, в том числе Северо-Двинский (ноябрь 1918), Вологодский (декабрь 1918) отделы. К лету 1919 года стали действовать подотделы в Сольвычегодске и Яренске.

В Усть-Сысольске подотдел по охране памятников был создан при городском отделе народного образования 8 марта 1919 года, его заведующим стал А. В. Холопов. Как видно из его заявления, на протяжении всех лет работы в Усть-Сысольске он занимал разные должности: «заведующего подотделом по охране памятников, заведующего подотделом искусств, с открытием области – заведующего областным музеем»⁵¹. Однако главным в его работе было единственное направление – выявление, учет и сохранение культурного и исторического наследия.

А. В. Холопов начал свою деятельность на этом поприще с доклада на заседании Усть-Сысольского отдела народного образования в июле 1919 года. Он обратил внимание присутствующих на многочисленные памятники старины, которые имеются в уезде и которые имеют громадную историческую и художественную ценность, а также на важность для края сохранения собственного наследия⁵². Доклад лег в основу постановления Усть-Сысольского отдела народного образования об охране памятников искусства и старины. Одновременно в газете «Зырянская жизнь» была опубликована разработанная А. В. Холоповым инструкция волостным отделам народного образования уезда «для доставления сведений о памятниках старины и народного творчества, имеющихся в районах сих волостей»⁵³. Инструкция появилась, когда в Коми крае еще не закончилась гражданская война.

В документе четко обозначена цель начатой работы – воссоздать музей. Для осуществления этой идеи, по мысли автора, в первую очередь необходимо выявить и зарегистрировать памятники старины. А. В. Холопов стремился прежде всего наладить работу на местах, к которой планировал подключить образованных, знающих местную старицу граждан: именно на них он возлагал выявление памятников и передачу сведений в уездный подотдел по охране памятников искусства и старины для регистрации.

Овладевая информацией о памятниках, подотдел по их охране мог планировать дальнейшую работу: организацию экскурсий (экспедиций), производство раскопок, приобретение движимых памятников путем покупок. Конечным итогом должны были стать коллекции музея – своеобразное наглядное пособие для изучения родного края.

Возможно, в разработке инструкции А. В. Холопов опирался на рекомендации, которые присыпали из центра. Вместе с тем можно выявить и факторы, характеризующие профессионализм ее автора. Так, основную задачу инструкции А. В. Холопов видел в том, чтобы довести до людей, что может быть памятником и какие сведения нужно представить для того, чтобы зарегистрировать предмет старины или искусства в качестве памятника. В инструкцию А. В. Холопов включил теоретическое положение, определяющее, что такое памятник: это предметы, «о чем-то напоминающие, или выражатели прошлой или настоящей жизни земли и ее народов», «только те из них, которые наиболее ярко характеризуют свое время, должны заслуживать внимания сотрудника». Классификация предметов с современной точки зрения кажется запутанной, однако она была сделана на основе принятой в то время градации. Все памятники разделены на четыре группы: геология, археология и этнография, библиография, искусства. Самую большую группу составляли предметы по этнографии. К ним были причислены: убранство комнат, старинные и новые предметы домашнего обихода, старинные меры, орудия, военные доспехи, оружие, предметы древнего религиозного характера, в том числе урочища. Особую значимость представляли библиография (рукописи) и произведения искусства: музыкальные орудия, записи народных песен (ноты, слова) и народных преданий (на русском и зырянском языках), изобразительное искусство.

Требования, которые были предъявлены к описанию предмета, характеризуют А. В. Холопова как специалиста в музейном деле. Важнейшее значение он придавал фиксации сохранности предмета при внешнем его осмотре. По его мнению, требовалось перечислить все видоизменения с указанием возможных причин; отразить все варианты названий предмета, «не стесняясь странностей» с возможными объяснениями; указать историю бытования предмета с включением имен его владельцев и местонахождения; назначения.

Таким образом, рассматривая инструкцию с точки зрения музейного дела, можно утверждать, что грамотное изложение порядка выявления и определения памятников было хорошим подспорьем в организации ведения дел в музее.

А. В. Холопов и сам занимался выявлением и описанием памятников истории и старины. Особое внимание он уделял зданиям. В докладной записке в областной отдел народного образования от 9 марта 1924 года он информировал о поставленных им на учет памятниках архитектуры⁵⁴.

Первым на учет было поставлено каменное здание, которое в те годы занимала совпартшкола. А. В. Холопов считал его единственным в городе памятником гражданской архитектуры, сопроводив следующей характеристикой: «Оно построено в начале XVIII столетия, и как фасад, так и внутренность здания сохранились в прежнем виде. Об этом здании сохранилось много легенд, и имеются письменные документы, непосредственно касающиеся прежних владельцев его (копия Сухановского грабежу, по прозвищу Шипича, оп. № 356 и др.)». В документе идет речь о жилом доме купцов Сухановых, который сохранился до настоящего времени (ул. Орджоникидзе, 2) и является старейшим памятником архитектуры и истории Сыктывкара.

«Единственными после здания партшколы» архитектор назвал еще два памятника: Покрово-Спасскую церковь при Троицком соборе и Кладбищенскую церковь.

«Здание Покрово-Спасской церкви двухэтажное. Нижний этаж (Покровская церковь) теплый, второй (Спасская) – холодный. Все здание Покрово-Спасской церкви построено в 2 периода, вначале был построен первый этаж в 1740 году, затем второй – в 179(?) году. Здание самого Троицкого собора построено в 1768 году, а колокольня при нем начата постройкой в 1785 году»⁵⁵. О Кладбищенской церкви автор указал только год создания – 1820⁵⁶.

Озабоченность архитектора вызвало то, что постройки находились вблизи высокого берега реки Сысолы. Из-за размыва ключами подпочвенного слоя происходило оседание берега, поэтому было сделано заключение о необходимости укрепления берега «в ближайшем будущем».

Не уточняя конкретной даты, автор докладной записки писал о посещении Ульяновского монастыря, в котором он не обнаружил никаких старинных построек. «Монастырь вначале был основан Стефаном Пермским и имел характер пустыни. От этой пустыни никаких следов не осталось, – она была разрушена, должно быть, в 1435, 1447 годах князем Асыком, разорившим верхневычегодские зырянские селения. В XVII веке была возобновлена Ульяновская пустынь. Из переписных книг 1678 года видно, что Ульяновская пустынь была приписана к Усть-Сысольскому приходу и существовала, как заштатный и бесприходный погост. В 1860 году был учрежден опять мужской общежительный заштатный монастырь. В 1866 году было положено начало основания теперешнего ликвидированного монастыря. От старинной пустыни не осталось ни одного памятника, – постройки все были деревянные и они были, видно, снесены при возведении новых монастырских зданий. Эти здания не имеют никакой художественной ценности»⁵⁷.

Критически отнесся А. В. Холопов к архитектурным достоинствам Стефановского храма в Усть-Сысольске, определив его стилистику как «конгломерат византийского классического и русского стилей в их испорченном виде». «В архитектурном отношении Стефановский храм не представляет никакого художественного значения. Фасад не выштукатурен, а покрашен в синий и белый цвет. По фасаду на высоте второго этажа в два яруса между окнами идут двойные и в одиночку колонны, имеющие только декоративное значение. Эти колонны выложены из кирпича очень грубо и не связаны с общей массой здания и являются какими-то случайными придатками». К невысокой оценке экsterьера храма архитектор присовокупил и отсутствие внутренней отделки, невысокую художественную ценность иконостаса, икон первого и второго этажей. По его мнению, к памятникам истории и старины могли быть отнесены только несколько икон и «картоны, выполненные для мозаик Исаакиевского собора и преподнесенные храму Синодом».

К памятникам архитектуры А. В. Холопов отнес церкви в селах Йб и Вотча, возведенные в честь Стефана Пермского. Осмотр их был проведен летом 1920 года, архитектору пришлось предпринять меры против произвольных раскопок местных жителей⁵⁸.

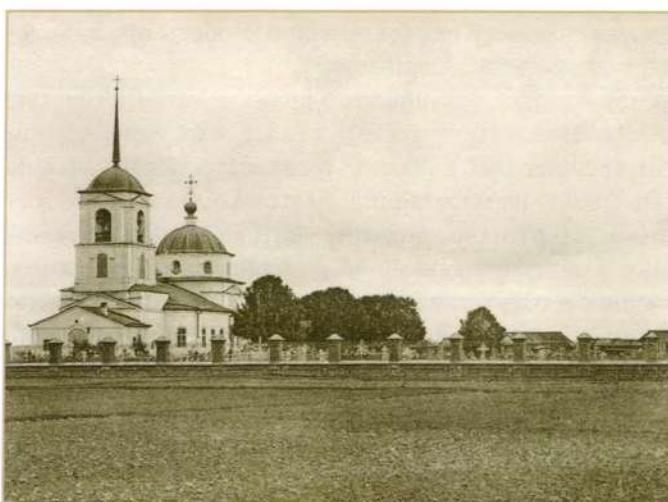
Таким образом, А. В. Холопов лично провел осмотр зданий Усть-Сысольска и ближних сел с целью выявления памятников архитектуры. Основным критерием отбора он выдвинул архитектурно-художественную ценность зда-

ния. В оценке сооружений, построенных недавно, он был более строг, считая, что только самые выдающиеся из них могут быть причислены к культурному наследию. В частности, он обращал внимание на «чистоту» стиля, то есть выполнение всех требований, которые необходимы для отнесения здания к тому или иному стилю. В силу этой причины им не был причислен к памятникам архитектуры Стефановский собор. К зданиям, построенным более века назад, он относился бережно, считая, что они сами по себе уже являются памятниками истории, которые необходимо сохранять для современников и последующих поколений.

Особое внимание он уделил выявлению сооружений, связанных с наследием Стефана Пермского, считая, что этот пласт культуры коми имеет наиважнейшее значение. В этом плане его сожаление вызвала недолговечность деревянных построек. Можно предположить, что, отбирая каменное исполнение, А. В. Холопов делал это целенаправленно, учитывая возможности дальнейшего сохранения памятника. Большинство отобранных им зданий – культовые сооружения, что неудивительно, поскольку гражданское каменное строительство началось в Усть-Сысольске достаточно поздно, практически все дома были современными.

Результатом проделанной А. В. Холоповым работы стало включение в список усть-сысольских памятников архитектуры следующих сооружений: дома Суханова, Кладбищенской церкви, Троицкого собора с Покрово-Спасской церковью. Благодаря своевременной постановке на учет два из трех памятников сохранились до наших дней (Троицкий собор был разрушен в 1933 году).

Деятельность А. В. Холопова по охране памятников старины и искусства разворачивалась в рамках нового подхода к изучению провинциальной истории и культуры, зародившегося до революции и оформившегося в 1920-е годы, известные как «золотой век» российского краеведения. Интерес к истории и культуре провинциальных городов был высказан еще в 1910-е годы упомянутым выше Г. К. Лукомским. Описывая памятники художественной старины в губернских и уездных городах, он первый стал говорить о провинции как о заповедном месте, где сохранились не только старинные здания, но и прежний уклад, традиции, особый ритм, свои отношения между людьми.

Вознесенская кладбищенская церковь. Усть-Сысольск, начало XX века. Из фондов Национального музея Республики Коми

Троицкий собор. Усть-Сысольск, 1909 год.
Из фондов Национального музея Республики Коми

В 1920-е годы наибольший интерес к исследованию провинциальной культуры проявили литературоведы и историки. В 1923 году Н. К. Пиксанов ввел понятие «культурного гнезда» – провинциального культурного центра. Он писал: «Подчиняясь централистским тенденциям, наша историческая мысль под новой русской культурой и литературой разумеет собственно культуру и литературу столичную, не учитывая, просто забывая, областную», «в движениях и поворотах «русской», т.е. общерусской, столичной литературы мы много не поймем, если не изучим областных культурных гнезд»⁵⁹.

Историк-краевед И. М. Грэвс перенес понятие «культурного гнезда» из литературоведения на другие сферы духовной культуры. Являясь заведующим гуманитарным отделом Петроградского экскурсионного института (просуществовавшего с 1920 по 1924 год), он вместе с сотрудником института Н. П. Анциферовым разработал новую методологию изучения провинциальной культуры. Основным методом выдвигался экскурсионный (в те годы термин «экскурсия» был равнозначен термину «экспедиция»), собранные в ходе комплексной экскурсии практические материалы в дальнейшем обобщались. Такой путь позволял провести «целокупное изучение края», которое и являлось основой методического и мировоззренческого подхода к краеведческому изучению страны⁶⁰.

Важное значение в новом подходе к изучению истории России придавалось музеям. В послереволюционные годы они рассматривались как форпост культурного развития страны. Деятельность Отдела по делам музеев была направлена на оживление музейной работы не только в центре, но и в провинции.

Между тем ситуация в Усть-Сысольске была таковой, что музей существовал, но собственно музейная деятельность не была развернута. Имелись лишь 180 разнородных предметов этнографии и археологии да еще около 2000 книг. Возглавляя музей с 1918 по 1925 год, А. В. Холопов прежде всего решал задачу развития музея.

Эта задача воспринималась не как узкопрофессиональная, связанная с созданием отдельного учреждения, а как крупномасштабная, в которой музей стал бы одним из звеньев строящейся системы мер по улучшению жизни коми. Достижение этой цели предполагалось за счет решения вопросов изучения предпосылок для успешного развития экономики, исследования духовного и материального наследия для повышения жизненного уровня, сохранения этнического своеобразия коми.

Поэтому неудивительно, что вопросы становления музея поднимались на самом высоком уровне. В сентябре 1920 года эти вопросы были затронуты на проходившем в Усть-Сысольске первом Северо-Двинском губернском съезде по просвещению зырян. В выступлениях докладчики подчеркивали роль музеев в вопросах сохранения культурного достояния и внешкольного образования и высказывали необходимость разворачивания работы усть-сысольского музея.

Активизировалась работа музея в 1921 году, когда открылся Зырянский институт народного образования. С самого начала в институте в состав читаемых дисциплин ввели музейное дело, предполагалось также создание музея. Название музея при ЗИНО варьировалось: «этнографический музей-кабинет», «музей с редкими экспонатами», «музей археологических древностей». А. В. Холопову было предложено возглавить эту работу.

12 января 1922 года было принято постановление правления института: «Признавая необходимым организацию этнографического музея при ИНО постановили в срочном порядке приступить к организации названного музея, причем заведовать этим музеем назначить А. В. Холопова, которого командировать в уезд за собиранием экспонатов, для чего обратиться в Обпродком с просьбой отпустить необходимое количество мануфактур для приобретения экспонатов, поручить хозяйственной комиссии отвести при ИНО соответствующее помещение под музей и изыскать средства для его меблировки. За отпуском средств для организации музея поручить президиуму правления войти с ходатайством в центр»⁶¹. Представление о том, как жил и работал музей, дает отчет за четвертый квартал 1923 года.

Структура музея включала в себя четыре отдела: археологический, этнографический, естественно-исторический, библиотечно-рукописный. Согласно штату в музее работало четыре человека. А. В. Холопов энергично добивался заполнения штатов музея, занимался подбором соответствующих знающих горожан. Ставки научного сотрудника и делопроизводителя появились в 1923 году: в июне была принята на работу Т. А. Забоева, несколько позже, научным сотрудником, – О. Э. Визель. Обязанности между сотрудниками были распределены следующим образом: А. В. Холопов, помимо общего руководства, заведовал археологическим и естественно-историческим отделами музея, О. Э. Визель заведовал этнографическим отделением и вел музейную отчетность, Т. А. Забоева – библиотечно-рукописным отделом и вела переписку.

Принятие в штат музея О. Э. Визеля было проявлением гражданской позиции А. В. Холопова. Оскар Эмильевич Визель (1895-1939) – представитель известного рода, художественной династии Визелей. Его отец, Эмиль Оскарович Визель (1866-1943), был академиком живописи, более 30 лет служил хранителем музея Петербургской Академии художеств. Оскар Эмильевич не сделал изобразительное искусство своей профессией, стал ученым-этнолингвистом. Причиной пребывания О. Э. Визеля в Усть-Сысольске стали политические репрессии. В 1923 году было сфабриковано «дело Совета старост государственного университета», по которому О. Э. Визель был отправлен в Усть-Сысольск на два года. После ссылки на север он дважды подвергался аресту – в 1935 и 1938 годах, умер под Соликамском в 1939 году.

В основу деятельности музея была заложена научная система регистрации экспонатов. Приведенные в отчете сведения свидетельствуют, что данное направление велось грамотно, по формам центральных музеев Петрограда и Москвы. Так, в музее уже существовали две «книги описей», в которые предметы записывались первично при поступлении, после распределения музейных предметов по отделам были заведены четыре книги «материалных (предметных) инвентарей». С октября 1923 года было введено собирание и регистрация «легенд» – документов, на основании которых в музей принимались новые предметы. Кроме того, О. Е. Визель вел «дневник», в который записывал все, что произошло в музее за день.

Всего в музее на 1 января 1924 года было зарегистрировано 366 номеров (под одним номером мог быть и один предмет, и целая коллекция). Последние из музейных предметов, упомянутые в отчете, поступили 5 ноября 1923 года «путем пожертвований»: от А. Н. Гrena 12 фотографий, произведенных М. Ф. Ильинским с видами реки Сысолы, и от М. И. Мальцевой зырянская деревянная солонка, приняты в этнографический отдел музея.

А. В. Холопов придавал особенное значение составлению «нового печатного официального инвентарного каталога», запись в который производилась в виде таблиц, содержащих сведения о предмете. Иногда при заполнении таблицы проводилась и исследовательская работа. Так были уточнены данные нескольких рукописей, расшифрованы знаки «пас-календарей», проведена классификация коллекции монет, поступившей в музей под № 356/147.

Третья задача заведующего музеем заключалась в организации постоянных посещений музея. За три месяца музей посетили 220 человек, было проведено 5 экскурсий. Во время школьных экскурсий сотрудники «давали объяснения и устный очерк «охотничьего быта» с демонстрацией соответствующего имевшегося в музее предметного материала».

В 1923 году музей представлял Коми область на I Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке. Документы содержат запись об утере части экспоната – зырянской стрелы, что было установлено уже после возвращения выставки из Москвы⁶².

Выставка явилась первым крупномасштабным мероприятием Советской России, ее инициатива принадлежала правительству, а решение о проведении было принято на IX Всероссийском съезде Советов. Значение выставки

было велико, особенно в экономической жизни страны: в ходе ее работы было заключено несколько контрактов с зарубежными компаниями на экспортные поставки продукции советских художественных промыслов. Важно подчеркнуть, что выставка проводилась под эгидой Российской Академии художественных наук. Работу по ее подготовке координировал Комитет, возглавляемый председателем А. И. Кондратьевым и его заместителем П. С. Коганом, отбор произведений осуществлялся Художественным советом под руководством О. Д. Каменевой. Деятельность Комитета сопровождалась выпуском периодического издания, третий номер которого представлял собой путеводитель по выставке⁶³.

Успех выставке принес кустарный отдел. Как показывает источник, он сложился в процессе ее подготовки. Выделение кустарных изделий в самый большой раздел выставки стало результатом следования ее основному принципу – представить всю страну. Отдельный блок экспозиции был посвящен Северу, где демонстрировалась « коллекция кустарных изделий Архангельской и Северо-Двинской губерний, собранная по поручению комитета С. Ф. Соколовым и И. Томским, состоящая из пряников, меховых изделий, изделий из дерева и бересты, рога, слоновой кости и изделий из шерсти и серебра»⁶⁴.

Такой интерес к Северу исходил от миссии Ф. Нансена⁶⁵, который предложил показать образцы кустарных работ Севера за границей, чтобы склонить Комитет Международной помощи России к оказанию поддержки. По предложению Ф. Нансена и была сформирована экспедиция, заметка о которой попала на страницы центральных газет: «Из вечно мерзлой тундры, на оленях и лошадях, через огромные пространства довез он до Москвы чудесные цветы народного творчества, радующие глаз свежестью раскраски и узорочья. Сейчас эти художественные кустарные изделия, вывезенные из Поморья, из Мезенского и Холмогорского уездов, с берегов Пинеги, Двины и Вычегды, временно гостят в Москве»⁶⁶.

Участие Кomi областного музея в таком крупномасштабном мероприятии свидетельствует, в первую очередь, о понимании значения выставки заведующим музеем. Хорошо знакомый с практикой выставочной работы до революции, он осознавал, насколько важным может быть участие области в общероссийском смотре и с точки зрения завязывания контактов, и с точки зрения приобщения к передовому опыту. Не случайно его супруга В. Д. Холопова-Новодворская обратилась в отдел народного образования с просьбой командировать ее «на всероссийскую сельскохозяйственную выставку в качестве представителя от усть-сысольской профтех-

Портрет Веры Дмитриевны Холоповой-Новодворской.
Каталог, 103

Печать Общества изучения Коми края.
Эскиз. Каталог, 104

По мнению А. В. Холопова, все проблемы можно решить и развернуть музейную работу, если установится иной взгляд на музей, «взгляд как на высшее культурное учреждение, нужное не только для учащих, учащихся и части граждан, но и для всех учреждений области». В свою очередь, музей будет работать на благо области. «Пока у нас не будет музея, организованного на научных началах, пока у нас не будут собраны документы края, пока они не будут изучены всесторонне, до тех пор все начинания учреждений в области будут сводиться к безуспешному плаванию без руля и без компаса; мы не знаем еще самих себя, не знаем, откуда пришли, и не можем знать, куда мы должны идти»⁶⁸.

Таким образом, А. В. Холопову удалось наладить музейную работу, укомплектовать штат, распределить обязанности, зарекомендовать музей как действующий в Усть-Сысольске и даже представить его в Москве. В основе успеха проделанной работы, несомненно, лежал профессионализм заведующего, а также его стремление к тому, чтобы музей стал высшим культурным учреждением, необходимым всем.

С насущными вопросами деятельности музея А. В. Холопов неоднократно выступал на заседаниях Общества изучения Коми края (ОИКК).

Общество изучения Коми края было образовано в Усть-Сысольске 16 мая 1922 года с целью всестороннего изучения Коми области. По сути, с самого начала оно стало областной организацией в складывавшейся системе краеведческого движения в стране.

Организующим началом краеведения стала созданная в декабре 1921 года Академическим центром Наркомпроса I Всероссийская краеведческая конференция научных обществ по изучению местного края. На конференции обсуждали задачи развития краеведения в новых условиях. Большинство выступивших рассматривало краеведение как часть исторической науки. Первоочередную задачу докладчики видели в создании научно обоснованной истории

нической школы для ознакомления с новинками в мебельно-столярно-слесарно-художественном деле»⁶⁷.

Таким образом, интуиция А. В. Холопова подсказала ему важность участия в I Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке, сами произведения были доставлены в Москву благодаря инициативе Ф. Нансена. Однако данное мероприятие музея было редким, выходящим за рамки повседневной деятельности, заботы о которой, в первую очередь, лежали на плечах заведующего.

Свое видение музея, а также проблемы, с которыми приходилось сталкиваться в повседневной жизни, А. В. Холопов изложил в служебной записке, направленной в областной отдел народного образования. Главной из них являлась сложность «внутренней работы музея», требующая определенных навыков и умений от поступающего в музей лица, а также необходимость минимального количества работников для «упорядочения музея». Вторая проблема была связана с распространенным общественным отношением к музею как учреждению абсолютно ненужному, «роскошь, поглощающую только средства и не приносящую никакого дохода». Третью проблему руководитель музея видел в ничтожном финансировании учреждения, в том числе и заработной платы сотрудников. Так, труд библиотекаря, который одновременно вел делопроизводство, оплачивался ниже заработка сторожа коммерческого учреждения.

краев и областей, подчеркивали необходимость культурно-исторических очерков отдельных районов страны, ставили вопросы не только собирания краеведческого материала, его исследования и публикации, но и сохранности.

В январе 1922 года было создано Центральное бюро краеведения (ЦБК), возглавившее краеведческую работу в стране. Участие в президиуме ЦБК ученых с мировым именем – академиков Д. Н. Анучина и С. Ф. Ольденбурга, профессоров Ю. М. Шокальского, В. В. Богданова, А. П. Павлова – обеспечило эффективность и высокий уровень работы как руководящего органа, так и низовых организаций. Главную задачу ЦБК видело в содействии деятельности провинциальных обществ, их учету и координации между собой. Наиболее эффективным для изучения провинции представлялся тип краеведческого общества с тремя видами работ: культурно-историческим, естественно-историческим, общественно-экономическим. Как научные краеведческие учреждения должны были действовать музеи, архивы и библиотеки.

В Усть-Сысольское краеведческое общество было создано при институте народного образования, первым его председателем стал А. Н. Грен⁶⁹, для руководства избрали правление. В состав общества вошли преподаватели и слушатели института, специалисты, труд которых содержал элементы научного творчества. Наибольший интерес члены ОИКК проявляли к изучению языка, истории, культуры, экономики, природных ресурсов.

В структуре общества было два отдела, каждый из которых подразделялся на секции. В историко-этнографическом отделе работали историческая, этнографическая, литературная и лингвистическая секции; экономический отдел подразделялся на промышленную, кооперативную, лесную, юридическую и секцию агрокультуры. Каждая из секций работала по собственному плану, утвержденному правлением. Все, что было собрано секцией, – отдельные предметы, коллекции – передавались на хранение в областной музей, который определял порядок научного использования экспонатов⁷⁰.

Таким образом, подчинявшийся отделу народного образования, действовавший при ЗИНО, наибольшее развитие музей в 1920-е годы получил в рамках Общества изучения Коми края. В последних числах 1923 года А. В. Холопов на заседании правления прочел доклад «О состоянии и деятельности музея». Этот текст лег в основу отчета музея, рассмотренного выше. В январе 1924 года заведующий музеем выступил с сообщением о расширении и реорганизации музея. На 1924 год музей получил средства на приобретение экспонатов и оборудования в размере 2 тысячи рублей, была восстановлена сокращенная ставка делопроизводителя, поставлен вопрос о переезде музея в отдельное здание. Поддержку музею оказало постановление III съезда Советов автономной области Коми, прошедшего в апреле 1924 года, о развитии в области музейного дела⁷¹.

20 апреля 1924 года состоялось заседание президиума Общества изучения Коми края, протокол которого свидетельствует, что музей перешел в структуру Общества и занял достаточно значимые позиции в его деятельности. Протокол зафиксировал, что к ОИКК перешло непосредственное руководство музеем; отчетность музея стала предоставляться ОБОНО через Общество; назначение, утверждение и смещение сотрудников музея также должно было проводиться по представлению Общества.

На заседании был рассмотрен план реорганизации музея. Во-первых, предполагалось его расширение и укрупнение: в него должны были влиться все музеи и краеведческие библиотеки, находившиеся в различных учреждениях. Во-вторых, в самом музее требовалось создать естественноисторический кабинет, чтобы демонстрировать чучела животных и птиц, обитавших в Коми области. Расходы на организацию кабинета (оплата заготовщикам пушнины и дичи, а также таксидермисту) были включены в смету 1924–1925 годов. И, наконец, в ближайшем будущем планировалась постройка опорной метеостанции, которая должна была действовать также при музее. Все эти планы опирались на надежду на предоставление музею отдельного здания⁷².

А. В. Холопов среди членов Общества изучения Коми края.
I половина 1920-х годов. Каталог, 138

На открытии с докладом «Коми краеведение» выступил А. А. Чеусов, Д. А. Батиев рассказал о целях и задачах Общества изучения Коми края. А. В. Холопов назвал свое выступление «История Коми музея». Текст не сохранился, на сам факт доклада свидетельствует, что он, по сути, стал первым историком музея.

Важнейшим направлением в деятельности музея Общество изучения Коми края видело в комплектовании фондов коллекции. Известно, что ОИКК в 1924 году планировало выпустить пособие-справочник по собиранию экспонатов, для которого А. В. Холопов разработал форму регистрации памятников старины. Информация об издании справочника не выявлена, в ходе подготовки составителями были определены А. С. Сидоров и Д. А. Батиев, редактором – Н. А. Шахов⁷⁶.

Комплектование коллекции велось за счет экспонатов, собранных во время летних экспедиций, предметов, переданных в фонд музея, изъятия религиозных ценностей, а также через пожертвования частных лиц.

В 1920-е годы значительная часть экспонатов поступала в музей из закрытых церквей. Кампания по изъятию церковных ценностей, начавшаяся после выхода декрета ВЦИК от 23 февраля 1922 года, была дополнена резолюцией о необходимости экспертизы в присутствии музеиного сотрудника при изъятии предметов религиозного культа, имеющих музейную значимость. В Коми области кампания прошла несколько позднее, чем в центре, в мае – августе 1922 года. Приходы края считались бедными, однако и в них было собрано около четырех фунтов золота и более 34 пудов серебра⁷⁷.

Весной 1924 года Общество изучения Коми края инициировало изъятие ценностей из государственных архивов и церквей в пользу областного музея. Так, в апреле 1924 года был выдан мандат на изъятие ценностей на имя А. В. Холопова, Д. А. Батиева и А. С. Сидорова. Изъятию подлежали предметы, описанные в ходе кампании 1922 года, но оставленные в волостных исполкомах и народных домах, а также в сохранившихся церквях. Для музея были отобраны предметы религиозного культа из Ульяновского монастыря, Усть-Куломской, Деревянской, Подъельской церквей (иконы, металлические складни, кресты, рукописи, гравюры, миниатюры)⁷⁸.

С 1921 года музей располагался в здании бывшего духовного училища⁷³, предоставленные для его нужд две комнаты на нижнем этаже левого крыла здания не удовлетворяли даже минимальным требованиям. Под музей было предложено два помещения. Предложение передать под музей колокольню и Стефановскую церковь архитектор не поддержал, считая, что «для этого потребуются большие затраты, которые вряд ли окупятся». Более приемлемый вариант заведующий музеем видел в первом, построенным в Усть-Сысольске, каменном гражданском строении – доме Суханова⁷⁴.

Переезд музея в дом Суханова и открытие музейной экспозиции в 1924 году стали своеобразным итогом деятельности заведующего музеем. В построении экспозиции активное участие вместе с сотрудниками музея приняли Д. И. Розанов⁷⁵, А. Н. Грен, taxidermist A. B. Ульяновский и др.

2 ноября состоялось торжественное открытие музея.

Д. А. Батиев рассказал о целях и задачах музея. Текст не сохранился, на сам факт доклада свидетельствует, что он, по сути, стал первым историком музея.

20 мая 1924 года Обществом изучения Коми края был сделан запрос в облисполком для выдачи А. В. Холопову еще одного мандата на изъятие «ценных археологического характера вещей», а также «кубка Петра Великого» из Троицкого собора в Усть-Сысольске. Кубок вызвал особый интерес, на него была запрошена дополнительная информация, которую установили по архивам Троицкого собора. Согласно имевшейся легенде, данный кубок был подарен купцу гостиной сотни Ивану Прокопьеву сыну Саватеева, который и передал его в Троицкий собор. Кубок не являлся предметом культовой утвари, в 1913 году его пытались продать. Сделка не состоялась, но сохранилась оценка стоимости кубка антиквариями в 6000 рублей золотом⁷⁹.

Согласно акту от 16 января 1925 года кубок был передан в областной музей как музейная, историческая и археологическая ценность. Сама передача была осуществлена в присутствии председателя ОИКК Д. А. Батиева, члена президиума облпрофсовета А. А. Молодцовой, заведующего областным музеем А. В. Холопова и соборного старосты И. П. Лыткина⁸⁰.

Вскоре после указанных событий А. В. Холопов был смешен с должности заведующего музеем. Это решение приняли на заседании президиума облисполкома. Негативное отношение властей к А. В. Холопову выразилось в дальнейшей переписке облоно с облисполкомом, в которой решался вопрос об оставлении Холопова научным сотрудником и возможности сохранения заработка. Переписка длилась на протяжении трех месяцев, в течение которых А. В. Холопов не получал жалования, работая в музее. Резолюция председателя облисполкома гласила: «Мы оплатить не можем, если ОБОНО платить не желает, то пусть увольняет, мы в нашем небольшом музее и за неимением средств держать особых научных работников еще не можем»⁸¹. Новым заведующим музеем стал Д. А. Батиев, занимавший в то время должность секретаря облпланкомиссии.

Общая интонация резолюции позволяет предположить, что в сложившейся ситуации могли быть повинны и личные отношения. Сфера музейной деятельности была для архитектора основной работой в Усть-Сысольске, соответствующей его стремлениям и уровню профессионализма, а последовавшее увольнение побудило уехать из Усть-Сысольска.

Таким образом, сразу после революции в стране стала налаживаться система охраны культурного наследия. Законодательной основой ее существования являлись декреты Советской власти, в качестве принципов организации были выдвинуты территориальный охват всей России и строгая централизация. Эффективность действия этой системы во многом зависела от ситуации на местах и действий конкретных лиц по ее воплощению в регионах. На территории Коми проводником и организатором ее функционирования стал А. В. Холопов.

Выбор такого рода деятельности в качестве основного во многом был определен его мировоззрением. Близкие ему по духу представители мирикуснического движения стали инициаторами работы по сохранению памятников архитектуры, искусства, истории. Подобно им, А. В. Холопов включился в эту работу на уровне региона. Им

Дом купца С. Г. Суханова. В настоящее время – Литературный музей И. А. Куратова (отдел Национального музея Республики Коми). 2009 год. Фото С. Е. Павлюшина

были заложены основы существующей в настоящие дни системы учета и сохранности культурного наследия: разработана инструкция по выявлению, описанию и порядку регистрации памятников; проведен анализ архитектуры Усть-Сысольска и окрестностей, выявлена ценность сооружений; здания, имеющие культурную и художественную ценность, поставлены на учет.

Одним из основных звеньев системы охраны памятников истории и культуры стал музей. А. В. Холопову удалось добиться, чтобы областной музей стал действующим, интересным для горожан. Он прикладывал немало усилий, чтобы изымаемые властями культурные ценности передавались в музей, в самом музее была налажена система научной регистрации экспонатов. С созданием Общества изучения Коми края музей стал не только культурным, но и научным заведением, превратился в форпост изучения края. Собственный взгляд заведующего на музейное дело был прогрессивным, характерным для той исторической эпохи, когда деятельности музеев придавалось большое значение.

■ Главная задача – развитие народного образования

Одним из главных вопросов после возвращения А. В. Холопова на родину стала для него проблема трудоустройства.

Интеллектуальный труд в уездном Усть-Сысольске, как и во многих других подобных центрах страны, был вос требован прежде всего на ниве просвещения. В начале XX века в Усть-Сысольске сложилась система учреждений среднего образования, включавшая высшее начальное училище, женскую и мужскую гимназии, а также открытую в 1916 году учительскую семинарию, в программы которых было включено рисование.

Послереволюционное реформирование начального и среднего образования, приведшее к созданию двухступенчатой единой трудовой школы, сохранило преподавание рисования в качестве учебного предмета. В. Д. Холопова-Новодворская стала вести уроки рисования в ремесленной школе и школе второй ступени № 2 (бывшей женской гимназии). А. В. Холопов в 1918-1919 учебном году преподавал историю искусств⁸².

Наибольший вклад в педагогическое поприще А. В. Холоповым был внесен в систему подготовки школьных работников, в связи с открытием и деятельностью в Коми автономной области на протяжении ряда лет первого высшего учебного заведения – Зырянского института народного образования (ЗИНО). Сам факт открытия первого коми вуза был полностью обязан деятельности группы людей, стоявших у истоков его организации, среди которых был и А. В. Холопов. Об этом свидетельствуют протоколы различных организационных, полномочных комиссий, президиумов и иные документы, связанные с воплощением в жизнь этой идеи.

Впервые идея была провозглашена весной 1919 года и исходила от уездного отдела народного образования, предложившего создать вуз на базе Усть-Сысольской учительской семинарии. Отказ Северо-Двинского губернского отдела народного образования поддержать инициативу не остановил организаторов. Летом они обратились к руководству Усть-Вымской учительской семинарии с предложением объединить два существовавших в губернии зырянских учреждения в одно и придать ему статус института. Эти планы не были воплощены в жизнь – Усть-Вымская семинария была переведена в Яренск, она стала русской и вскоре была преобразована в педагогические курсы общего типа, а отчеты Усть-Сысольского ОНО последующих лет содержат негативное отношение к позиции Яренского уездного отдела народного образования⁸³.

Постановление, подписанное Народным комиссаром по просвещению А. В. Луначарским, на основе которого шла реорганизация учительских семинарий, было утверждено 9 июля 1919 года. В Усть-Сысольск директива при-

Отдел народного образования. Эскиз вывески. Каталог, 54

была 5 августа, запустив механизм преобразования городской учительской семинарии. 9 сентября уездный отдел народного образования сообщил в центр, что под нужды курсов отведено здание бывшего духовного училища, в котором в годы гражданской войны располагался штаб командующего Пинего-Печорским краем. Ущерб, нанесенный зданию вследствие военной обстановки, был ликвидирован, помещения ремонтировались. 20 сентября состоялось организационное собрание, на котором обсуждался вопрос, какой статус приобретет новое учебное заведение. В соответствии с постановлением на базе учительских семинарий создавались либо педагогические курсы для подготовки школьных работников первой ступени единой трудовой школы, либо институты народного образования (ИНО), критерием выбора были выдвинуты местные условия. В решение собрания было включено ходатайство о создании института, однако центром оно не было поддержано – итогом реорганизации стали двухгодичные педагогические курсы, при которых функционировало подготовительное отделение⁸⁴.

Начало систематических занятий было назначено на 20 октября 1920 года. В преподавательский состав педкурсов был включен и А. В. Холопов, он взялся за преподавание прикладной математики. До него в Усть-Сысольске работал единственный преподаватель, имевший право вести занятия по высшей математике, – С. М. Каленик, окончивший физико-математический факультет Петербургского университета, однако ему приходилось совмещать преподавание математики и физики, что приводило к чрезмерной нагрузке. Разработка А. В. Холоповым ряда образовательных программ по прикладной математике позволила заполнить тот недостающий участок в преподавании, который сложился в городе. Кроме математики, он также читал историю искусств, которую впервые стал вести в школах города.

Междуд тем идея открытия в Усть-Сысольске ЗИНО имела свое дальнейшее воплощение. М. И. Бурлыкиной выдвинута и доказана идея об инициирующей и организующей роли А. С. Сидорова в открытии первого коми вуза. А. С. Сидоров еще весной 1919 года от имени Яренского отдела народного образования высказался за его создание. Его инициатива была поддержана на первом Северо-Двинском губернском съезде по просвещению зырян, который проходил 12-14 сентября 1920 года. В итоговое решение съезда было включено постановление об открытии в Усть-Сысольске общего для зырян Яренского и Усть-Сысольского уездов Зырянского института народного образования на основе Усть-Сысольских педагогических курсов.

Инициатива с места была поддержана в центре, 29 ноября 1920 года состоялось заседание пленума отдела просвещения национальных меньшинств Народного комиссариата просвещения «О создании Зырянского института народного образования», на котором вопрос был решен положительно. Сразу была создана полномочная комиссия по организации ЗИНО, которую возглавил переехавший в Усть-Сысольск А. С. Сидоров. В состав комиссии вошел и А. В. Холопов.

Открытие первого коми института было расценено общественностью как достижение народа и имело широкий резонанс, отразившийся в газете «Зырянская жизнь». В первых числах декабря 1920 года, когда еще только начала работать полномочная комиссия по созданию института, газета писала: «В то время как при царизме и диком его правительстве дети трудового народа коми были окончательно отрезаны от так называемого высшего образования буржуазного государства, дававшегося поповичам, купчикам, дворянчикам университетами и институтами с дипломами для затмения народных масс, теперь, в третий год власти трудового народа в Усть-Сысольске имеется три газеты, опытно-показательная школа, три школы второй ступени, педагогические курсы, музыкальная и партийно-советская школы, будет организована театральная студия, – и со всеми ими и над ними – будет высшее учебное заведение»⁸⁵.

Открыть институт предполагалось в кратчайшие сроки, и помимо учебно-организационных вопросов, члены комиссии решали множество хозяйственных: подготовку учебных аудиторий, комнат для общежития, проблемы освещения. Мебель, оборудование, хозяйственный инвентарь, вплоть до электрических лампочек, собирали во всех учреждениях города. Многое не хватало, особенно мебели. К открытию института был сделан специальный заказ на изготовление мебели для учебных аудиторий и общежития. Для изготовления мебели для Зырянского института народного образования через Укомтруд на месяц были привлечены столяры, а для распиловки бревен мобилизованы крестьяне окрестных деревень⁸⁶.

Эскизы мебели были подготовлены А. В. Холоповым. В Национальной галерее Республики Коми хранится графический лист, выполненный архитектором-художником с эскизами стола и стульев для ЗИНО. Художник разработал простую для воплощения мебель, отвечавшую всем функциональным требованиям. Кроме того, занимался он и ин-

Здание бывшего духовного училища. В настоящее время – Национальная галерея Республики Коми. 2009 год. Фото Д. В. Черницина

терьерами помещений, в том числе зала, рассчитанного на торжественные мероприятия и имевшего сценическую площадку. Создавая интерьер, художник исходил из имеющихся возможностей, однако профессионализм выделял его работы, вносили в них проявления столичной культуры, приобщая к ним местное население.

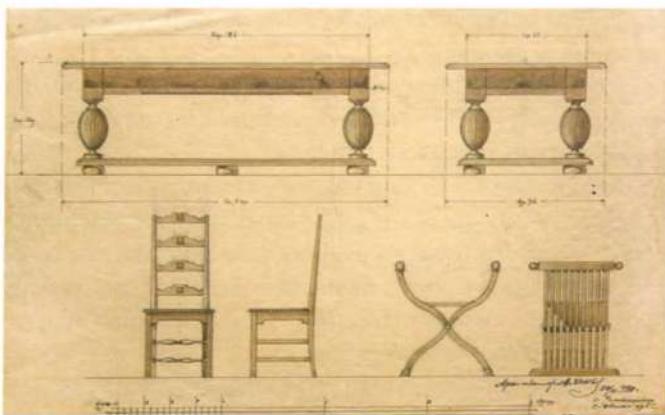
Как художник, А. В. Холопов считал необходимым сделать для нового учреждения достойную вывеску, которую предполагалось разместить на здании и которая должна была подчеркнуть его значимость в городе. Подобная вывеска, выполненная А. В. Холоповым, с 1919 года украшала отдел народного образования. Зырянский институт народного образования было решено назвать Дворцом науки, однако в уездном Усть-Сысольске подобное наименование не вошло в повседневный обиход⁸⁷.

Цели, структура и другие основополагающие принципы организации ИНО были изложены в центральном журнале «Народное просвещение» № 6-7 за 1919 год. В отличие от педагогических курсов, готовивших школьных работников для школ первой ступени, институт комплексно охватывал всю систему подготовки работников для просвещения. Предполагалось, что ИНО должен иметь не менее 5 отделений: подготовки деятелей по дошкольному воспитанию, школьных работников для единой трудовой школы первой и второй ступеней, инструкторов по проведению трудовых процессов в жизнь школы, а также деятелей по внешкольному просвещению, к которому относился и раздел эстетического воспитания, включавший музыку и изобразительное искусство.

В ходе переговоров с Москвой была утверждена структура зырянского вуза. В ее разработке учредители прежде всего опирались на реальную необходимость того или иного отделения. ЗИНО открывали в составе трех отделений: подготовки школьных работников для школ первой ступени, школьных работников для школ второй ступени и внешкольного отделения. Особый акцент был сделан на внешкольном отделении, рассчитанном на выпуск работников для школ взрослых, народных университетов, народных домов, клубов, музеев и «экскурсий». Именно на этом отделении предполагалось развернуть эстетический цикл, включавший обширную программу по музыке и изобразительному искусству.

Центр также запросил сведения о помещении и оборудовании, о преподавателях и учащихся. Пояснительная записка к запрашиваемой смете расходов для ЗИНО содержит следующее обоснование: «Наиболее подходящим пунктом для открытия учебного заведения является город Усть-Сысольск как центр зырянского края, имеющий несколько библиотек и большое красивое здание, занимаемое педкурсами, вмещающее 11 аудиторий, кроме того... служащие города, имеющие высшее образование в количестве 14 человек, составят кадры преподавателей института, не бросая нынешней работы...»⁸⁸.

Подбор преподавательского состава первого коми института оказался самым болезненным и решался на протяжении всех лет его существования. Попытка пригласить в Усть-Сысольск уроженцев края, работавших вдали от родины коми ученых К. Ф. Жакова, П. А. Сорокина, В. Н. Налимова, не увенчалась успехом. Собственные преподавательские кадры Усть-Сысольска, рассчитанные на среднее образование (гимназии, городское училище), сложились еще до революции. Долгие годы основным учебным заведением, готовящим кадры для преподавательского состава города, оста-

Эскизы мебели для Зырянского института народного образования.
Каталог, 42

валась Тотемская учительская семинария. В начале XX века в Усть-Сысольске также преподавали выпускники Петербургского учительского института, Вытегорской и Петрозаводской учительских семинарий, Московского Николаевского института, Вологодской духовной семинарии, Строгановского художественно-промышленного училища.

По мнению О. Е. Бондаренко, преподавательский состав учебных заведений Усть-Сысольска и высших начальных училищ (включая Ношульское Усть-Сысольского уезда) был достаточно сильным по своей профессиональной подготовке. В значительной степени этому способствовало то обстоятельство, что сюда из Петербургского учебного округа направляли выпускников столичных учебных заведений. Так в город приехали С. М. Каленик и М. В. Галахов (окончили в 1910 году соответственно физико-математический и историко-филологический факультеты Петербургского университета), Я. С. Курбатов и В. А. Молодцов (выпускники Петербургского учительского института), «недоехал» до Усть-Сысольска преподаватель математики и физики И. Пинчуков⁸⁹. В Усть-Сысольске в эти годы также работал выпускник Московского университета В. П. Неволин. К преподаванию в институте были приглашены трое профессиональных художников: А. Н. Поросятников, В. Д. Холопова-Новодворская и А. В. Холопов, образование только одного из них – А. В. Холопова – приравнивалось к высшему. Вместе с теми, кто приехал работать непосредственно в ЗИНО, самой яркой личностью среди которых был А. Н. Грен, они составили костяк усть-сысольской интеллигенции, развернувшей научную и образовательную работу в городе.

Александр Николаевич Поросятников (1885–1960) – первый преподаватель графических искусств в Усть-Сысольске, с 1906 года вел рисование в высшем начальном училище. В отчете училища за 1907 год содержится положительная оценка его деятельности и подчеркнуто, что он «горячо взялся за дело», «поступив преподавателем прямо со школьной скамьи, сразу постарался поставить дело на правильный путь». Отмечалось также, что при строгой требовательности ему удавалось делать уроки интересными⁹⁰. Позже учитель начал вести уроки в мужской и женской гимназиях. Сохранилась составленная А. Н. Поросятниковым программа преподавания рисования для учениц женской гимназии на 1909–1910 годы, основой которой ставилось умение сделать рисунок с натуры или по памяти. В программу были включены и более творческие занятия, такие как соединение декоративных узоров и иллюстрирование сказок, а также «беседование о значении рисования в жизни»⁹¹.

Сохранились анкеты будущих преподавателей ЗИНО, в которых они не только указали личные и профессиональные данные о себе, но и ответили на вопрос, какой предмет хотели бы вести в институте. Выбором А. Н. Поросятникова стали история искусств, рисование и лепка, В. Д. Холоповой-Новодворской – рисование, А. В. Холопов, определив свою научную специальность как «архитектура, история искусств, прикладная математика», затруднился определенно указать предметы, «не имея определенной программы их преподавания»⁹².

В действительности преподавательская деятельность А. В. Холопова в ЗИНО была мало связана с предметами изобразительного искусства. Между тем он был одним из лекторов, взявшихся за проведение лекций еще до составления учебного плана. Торжественное открытие института было назначено на 20 января 1921 года, а распоряжением

А. Н. Поросятников. Усть-Сысольск, 1910-е годы. Из фондов Национального музея Республики Коми

полномочной комиссии предстояло «... с 21 производить чтение лекций и просить лекторов, выразивших свое желание немедленно приступить к чтению лекций, А. А. Чеусова, А. С. Сидорова, А. Н. Поросятникова, А. В. Холопова, В. Д. Разумовского и М. А. Криницкого читать лекции по любому предмету, по какому они пожелаю, до распределения предметов между преподавателями»⁹³.

Как заведующему музеем, А. В. Холопову было поручено читать лекции по музейному делу, его слушатели активно привлекались к работе музея. К преподаванию музейного дела (предмет изучался на каждом из отделений) были также подключены А. С. Сидоров и А. Н. Грен. Теоретические знания и архитектурная практика стали основой преподавания проекционного черчения. Преподавание этого предмета сложилось не сразу, первоначально, из-за отсутствия учебного материала, читали только теоретический курс, но уже в 1921-1922 учебном году предмет изучали в полном объеме. Более всего часов у А. В. Холопова пришлось на математические дисциплины. Обучение на архитектурных отделениях Московского училища живописи, ваяния и зодчества и Петербургской Академии художеств дало ему базу для преподавания дисциплин высшей математики. Как и на педагогических курсах, преподавание предмета велось совместно с С. М. Калеником.

Спешно организованный в середине 1920-1921 учебного года, первый коми институт претерпел изменения в следующем учебном году. Вследствие низкой образованности поступавшего на учебу контингента был организован рабфак, внешкольное отделение упразднено, а отделение, готовившее преподавателей для школ второй ступени, реформировано. В соответствии с распоряжениями Главпрофобра и требованиями к институтам народного образования с февраля 1922 года оно было разбито на три: социально-историческое, биолого-географическое и физико-математическое. Деканом физико-математического отделения был назначен А. В. Холопов.

Таким образом, А. В. Холопов стоял у истоков высшего профессионального образования в Коми. Его деятельность в последующие полгода была непосредственно связана с организацией физико-математического отделения. Им был полностью разработан пятилетний план обучения на отделении, от элементарных курсов предметов до высших и спецкурсов, включая общеобразовательные. При этом по его плану общеобразовательные дисциплины совмещались с их ведением на других отделениях. Декан взял на себя преподавание таких предметов, как аналитическая геометрия на плоскости и в пространстве, введение в анализ, сферическая тригонометрия. Работа, проделанная А. В. Холоповым совместно с другими деканами, была направлена на ликвидацию сложившейся «многопредметности» и создание четко организованной системы обучения. Авторитет декана физико-математического отделения был высок. Назначенный на эту должность, он единственный из деканов получил единогласное одобрение при выборах на эту должность в мае 1922 года.

Увлеченность организаторов ЗИНО идеей становления первого коми вуза позволяла институту выживать в самых неблагоприятных условиях. Так, в течение 1921-1922 учебного года в институте действовал рабфак без какой-либо финансовой поддержки из центра. Привлекший к себе наибольшее количество слушателей (на 1922-1923 учебный

На этюдах в окрестностях Усть-Сысольска. Слева направо: А. Н. Поросятников, А. Д. Синцов, Я. С. Курбатов, М. Ф. Лебедев. 1910-е годы

год было подано 300 заявлений), он тем не менее был закрыт. С ноября 1921 года служащие ЗИНО не получали заработной платы, а предпринятая в июле 1922 года оплата за лекции рожью вызвала в коллективе конфликт, который разбирался в Усть-Сысольском народном суде. Выход из финансового кризиса был предпринят путем понижения штатных ставок, вывода лекторов за штатное расписание, а также слияния с ЗИНО педтехникума нормального типа, открытого в Усть-Сысольске в декабре 1921 года. Эти введения были зафиксированы в названии института – он стал Практическим институтом народного образования (ПИНО).

Имя А. В. Холопова не фигурирует в конфликтных ситуациях личного характера или связанных с оплатой, но его подпись стоит в документах, предлагающих новый проект учебного заведения в замену институту в период его финансового кризиса. В августе 1922 года в областной комитет просвещения поступили заявления. В одном, от проректора ПИНО и лектора физики Д. И. Розанова, было предложено открыть частный университет. Другое, от преподавателей института, в том числе А. Н. Грена, А. В. Холопова, И. В. Попова и др., – об открытии частных платных подготовительных курсов с народным университетом⁹⁴. Разработанное преподавателями института положение о курсах явилось попыткой создания учебного заведения на платной основе по артельному принципу ведения дел и распределения доходов. Такой подход был характерен для того времени. Именно так работал Психоневрологический институт в Петрограде. В случае реализации предложений преподаватели имели бы более стабильный заработок. Однако этот план не стал планом действий, поскольку невольно выводил институт из налаживавшейся системы подготовки преподавательских кадров в стране.

Преобразование ЗИНО в ПИНО и слияние его с педтехникумом не смогли кардинально исправить финансовую ситуацию, сложившуюся вокруг первого зырянского вуза. 1922–1923 учебный год начался с невыплаты жалованья служащим. Упразднение деканатов сняло с А. В. Холопова административную нагрузку. За ним остались часы по аналитической геометрии и введению в анализ, прибавилось преподавание основ эстетического воспитания⁹⁵. Впоследствии, с преобразованием ПИНО в педтехникум повышенного типа, Александр Викентьевич так и преподавал эти дисциплины до своего отъезда из Усть-Сысольска.

В сентябре 1923 года ПИНО был преобразован в педтехникум повышенного типа на основе решения, пришедшего из Москвы. По мнению О. В. Золотарева, главными причинами реорганизации были недостаток финансовых средств, квалифицированного преподавательского состава и слабая подготовка учащихся⁹⁶. М. И. Бурлыкина подчеркивает, что решение было альтернативным и только пяти ИНО (Зырянскому, Немецкому, Эстонскому, Латышскому в Петрограде, Чувашскому в Казани) удалось добиться такой реорганизации. В связи с надеждой воссоздать ЗИНО в техникуме оставили два отделения: школьное и внешкольное. Школьное отделение включало физико-математический, биолого-географический и социально-исторический циклы; внешкольное – общеполитический, клубно-театральный и музейно-выставочный⁹⁷.

С другой стороны, сам факт включения в состав первого зырянского института трех профессиональных художников способствовал формированию художественной среды как в институте, так и за его стенами. Еще на организационном собрании по утверждению учебных планов в январе 1921 года А. Н. Поросятников предложил вести студию рисования и лепки, выделив для этого специальное помещение. Практические занятия по изобразительному искусству были введены во всех отделениях ЗИНО с момента образования института, а с начала 1921–1922 учебного года стал решаться вопрос кабинета рисования. На втором этаже здания была выделена аудитория на 40 человек, в которую были завезены наглядные материалы из школы второй ступени №1, выписанные и собранные самим А. Н. Поросятниковым в период его работы преподавателем рисования в городском училище.

Уроки рисования в специализированном классе вели А. Н. Поросятников и В. Д. Холопова-Новодворская с нагрузкой по 15 часов в неделю. Среди документов сохранилась жалоба слушателя ЗИНО В. В. Полякова, в будущем

организатора отделения Союза художников в Коми АССР, о необходимости пропускать другие лекции, чтобы попасть на занятия по рисованию, поскольку они часто ставились одновременно⁹⁸.

Между тем организация эстетического воспитания через уроки рисования была сопряжена со многими трудностями. Прежде всего нужно было разработать соответствующую программу. Нехватка принадлежностей для рисования почти сразу исключила из программы уроки живописи, предполагалось рисование простым или цветными карандашами и углем. В 1924 году положение с принадлежностями для рисования стало настолько критическим, что из Москвы через Коми представительство областным отделом народного образования были выписаны самые необходимые предметы (кисточки, карандаши, акварельные краски) на сумму 600 рублей золотом⁹⁹. М. П. Безносов, один из первых художников коми книги, вспоминал: «Еще в первые годы после Октябрьской революции, будучи учащимся общеобразовательной школы второй ступени в Усть-Сысольске, я увлекался рисованием. Это были нелегкие годы... Не было ни бумаги, ни красок. Рисовали мы в школе на чем придется: на картонных обертках, на фанерках и обложках старых книг. Помню, как мне с большим трудом удалось приобрести двухцветный карандаш. Радости не было конца»¹⁰⁰.

Следует отметить, что рисовальный класс был одним из пяти специализированных кабинетов, созданных в институте. Рисовальный класс был создан наравне с физическим, географическим и химическим, а закупка музыкальных инструментов (пианино, скрипок) и оформление музыкального класса свидетельствовали о значимости предметов эстетического цикла в программе института. В 1922-1923 учебном году оборудование рисовального класса было дополнено и заключалось в «200 различных моделях из папье-маше, дерева, кустарных изделий, художественных изданий, гипса, чучел птиц и животных, препарированных насекомых, искусственных цветов, плодов, овощей и т.д.»¹⁰¹.

Заведующим рисовальным классом с момента его образования был А. Н. Поросятников. Он занимал также должность квестора (должностное лицо по финансовым вопросам) института, принимал самое активное участие в общественной жизни института. По мнению его коллег, он «обнаружил редкий организаторский талант и исключительную для русского человека отзывчивость к вопиющим культурным нуждам народа коми, будучи не только исполнителем по проведению культурных мероприятий, но и их инициатором»¹⁰².

Единственной сложностью в его преподавательской деятельности было незнание коми языка. Русский по национальности, он вел преподавание на протяжении всей своей деятельности на родном языке. Проводимая после

А. В. Холопов. Усть-Сысольск, конец 1910-х – 1 половина 1920-х годов.
Из архива Д. Г. Холоповой

Б. В. Поляков. 1931 год. Из фондов Национального архива Республики Коми

революции зырянизация школ побудила его даже отказаться в 1922 году от работы в школе-семилетке, так как он не владел свободно коми языком. В ЗИНО предметы читались на двух языках. Поскольку институт был создан для подготовки специалистов по просвещению коми народа, в его устав было включено требование ведения предметов на родном языке, однако те дисциплины, по которым не сложилось понятийного аппарата на зырянском языке, были оставлены для преподавания на русском. Такой подход создал благоприятные возможности для деятельности русских преподавателей, обладавших значительным научным и лекционным багажом.

В дальнейшем, с преобразованием института в педтехникум повышенного типа, за А. Н. Поросятниковым было оставлено преподавание истории искусств. Им были разработаны программы по дисциплине для внешкольного и школьного отделения, а также по истории русского искусства для социально-исторического цикла. Программы включали детальное ознакомление с историческими стилями «путем зарисовывания характерных исторических памятников с выполнением композиций», делали акцент на современном искусстве, противопоставляя искусство трудающихся буржуазному искусству, а также поднимали актуальность вопроса значения искусства в «жизни вообще»¹⁰³.

По мнению искусствоведа В. В. Кублицкого, А. Н. Поросятников «имел удивительную способность заинтересовывать учеников и прививать им любовь к искусству»¹⁰⁴. Среди его учеников – Л. Попов и В. Образцов, рисунки которых публиковались в 1920-е – 1930-е годы в местных журналах.

С 1922 года преподавать рисование и лепку в институте стал Л. В. Морозов. Коми по национальности, уроженец Коми края, он до революции учился в Императорском обществе поощрения художеств в Петербурге. В 1914 году был призван на фронт, попал в плен и по 1921 год находился в плену в Германии. Вернувшись на родину, стал преподавать рисование в школе второй ступени №1 и педтехникуме нормального типа, а при слиянии педтехникума с институтом был принят на работу в ПИНО¹⁰⁵. За ним были закреплены практические занятия по рисованию. Л. В. Морозов ориентировался на ту систему преподавания, по которой он обучался сам и которая связана с традициями русской реалистической школы.

В. Д. Холопова-Новодворская одновременно с преподаванием рисования в институте народного образования вела занятия и в других учебных заведениях города. Свидетельством таланта художницы являются десять произведений, хранящиеся в Национальной галерее Республики Коми, созданные в Усть-Сысольске. Выполненные для себя, в свободные минуты, посвященные образам родных, окрестным пейзажам, рисунки передают не только ощущение богатого внутреннего мира автора, но и хорошую рисовальную школу.

Таким образом, признание коми этноса на государственном уровне и наделение его автономией в рамках области шли параллельно широкому общественному движению, возглавляемому местной интеллигенцией. Существенные изменения произошли в сфере народного образования, где работало большинство ее представителей. Если ранее представители коми этноса, выбравшие научный род занятий, уезжали из края и работали в центре, то в 1921 году была сделана первая попытка развития науки непосредственно в Усть-Сысольске. Таким фактом стало открытие первого зырянского вуза и создание на его базе Общества изучения Коми края.

А. В. Холопов, приехав в Усть-Сысольск, где востребованность в интеллигентном труде была намного меньше, чем в центре, а традиционно он использовался на ниве просвещения, включился в педагогическую деятельность. Он поддержал идею и принял непосредственное участие в организации Зырянского института народного образования, проявив организаторский, административный и педагогический талант. Крайне важна его работа в качестве декана физико-математического факультета, заложившая основы вузовской системы обучения в структуру первенца высшей коми школы, об уважении, которым он пользовался в коллективе, говорит факт его переизбрания на должность.

Спецификой ЗИНО, отличавшего его от других подобных вузов, стало то внимание, которое было уделено преподаванию предметов эстетического цикла. Добиться такого положения удалось благодаря деятельности коллектива подвижников, наладивших преподавание предметов изобразительного искусства. Это, прежде всего, А. Н. Поросятников, А. В. Холопов, В. Д. Холопова-Новодворская, Л. В. Морозов. Именно ЗИНО дал путевку в жизнь В. В. Полякову, позже создавшему Коми отделение Союза художников и воспитавшему плеяду замечательных мастеров изобразительного искусства.

■ Активизация художественной жизни в Усть-Сысольске

Одним из факторов развития художественной среды в Усть-Сысольске стало планирование и строительство новых общественных зданий, установка первых монументов, выявление и сохранение того, что имеет культурную и художественную ценность. С другой стороны, в городе складывалась система преподавания основ изобразительного искусства, формировались кадры преподавателей из выпускников центральных художественных учебных заведений. Борьба за создание нового, пролетарского искусства, провозглашенная советской властью, в первое десятилетие выражалась преимущественно в агитационных формах, в которых развивалась профессиональная деятельность представителей творческой интеллигенции.

В культурно-досуговой жизни горожан лидирующие позиции занимал театр. Все исследователи отмечают всплеск театральной жизни в послереволюционном Усть-Сысольске и Коми крае. Театральные труппы создавались при народных домах, школах, отделах народного образования, красноармейских частях и пр. На волне самодеятельности в 1919 году был создан первый профессиональный зырянский театр «Сыкомтевчук» под руководством писателя, драматурга и общественного деятеля В. А. Савина (1888-1943). Начало коми драматургии и коми театра связывают с его драмой «Ыджыд мыж» («Большая вина»), премьера которой состоялась на сцене Народного дома в феврале 1919 года. За спектаклем последовала череда агитационных вечеров «Коми рытъя».

Организационное оформление театра произошло 25 января 1921 года на собрании самодеятельных артистов города, выслушавших «доклад т. Савина, в кратких чертах указавшего на значение театра вообще и, в частности, для народа коми, как об одном из важнейших средств для поднятия культурного уровня и углубления самосознания масс». Решено было, «сознавая всю важность театра для народа коми», создать «постоянную коми труппу в г. Усть-Сысольске, как культурном центре народа коми, наименовав таковую «Сыктывкарса коми театрын ворсысь чукор», сокращенно «Сыкомтевчук» (труппа актеров Сыктывкарского коми театра). Задачей труппы была «постановка исключительно коми пьес (оригинальных и переводных)». 14 февраля это решение было утверждено уездным политпросветом¹⁰⁶.

Массовое самодеятельное творчество стало не только средой, в которой сформировался профессиональный театр, но и многом обогатило художественную жизнь, привлекая к постановкам профессиональных художников.

С театром В. А. Савина сотрудничал художник М. И. Кынев (1886-1942), уроженец с. Пезмог Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии. Его биография – прямое свидетельство сложности получения образования выходцами из социальных низов окраинных территорий Российской империи.

Михаил Иванович Кынев родился 27 октября (ст. ст.) 1886 года, его родителями были крестьяне погоста Пезмог одноименной волости Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии Осип Егорович и Ирина Михайловна Кыневы. В 1909 году он, выдержав испытательные экзамены, был зачислен в высшее художественное училище при Императорской Академии художеств в качестве вольнослушателя. Ему была выхлопотана стипендия от Вологодского губернского земского собрания в размере 120 рублей в месяц. Скудные условия жизни подорвали здоровье молодого

человека, а во время летней практики в 1913 году, которую он проходил в монашеской обители на горе Афон, художник серьезно заболел. Пропустив полгода, он вновь приступил к учебе, но в 1916 году был мобилизован в армию. Службу проходил в запасном батальоне лейб-гвардии Кексгольмского полка, а после расформирования армии уехал на родину. Весну и лето 1918 года провел на родине, в с. Пезмог. В этот год М. И. Кынев считался учеником выпускного класса и обратился с просьбой в Академию выдать ему свидетельство на право преподавания рисования. Однако в просьбе было отказано, так как им был завершен только натурный класс и сдан по нему экзамен, а научные курсы не закончены. Не вернувшись вовремя в училище, в период его реорганизации в Петербургские государственные свободные художественно-учебные мастерские, он был отчислен¹⁰⁷.

С 1918 по 1920 год М. И. Кынев жил в Усть-Сысольске, был принят на работу преподавателем рисования в школу второй ступени №1. Его дебют, оформление спектакля «Ыджыд мыж» было тепло встречено зрителями¹⁰⁸.

О том, какое значение имели театральные постановки в жизни усть-сысольцев, говорит факт, что газета «Зырянская жизнь» вела постоянную рубрику, посвященную театральной жизни, в которой не проходил незамеченным ни один из спектаклей. Общегородскими сценами считались клуб «Звезда» и Народный дом, спектакли также часто показывали в близлежащих селениях. Ценители театрального творчества отмечали нестабильность премьер: то на протяжении нескольких недель не было театральных постановок, то спектакли ставились практически ежедневно¹⁰⁹.

Художественное оформление спектаклей также было спонтанным, однако некоторые постановки вызывали интерес специальными костюмами и декорациями. Так, по пьесе А. Н. Островского «Не так живи, как хочется», поставленной любительской труппой уездного отдела народного образования в Народном доме 10 июня 1920 года, было отмечено, что «в отношении грима, декораций и т.п. нельзя желать лучшего и видно, что распорядители приложили к делу должные усилия»¹¹⁰.

Супруги Холоповы, близкие в своем творчестве к кругу художников «Мира искусства», любители и ценители театра, не остались в стороне от театральной жизни города. Событием, попавшим на страницы газеты «Зырянская жизнь», стал спектакль «Месть Амура», поставленный старшеклассниками школы второй ступени № 2: «... зато поэтическая сказка «Месть Амура», красавая декорация, изящные костюмы в стиле Помпадур и довольно хорошее исполнение главных героинь окупили эффекты пьесы»¹¹¹. Пьеса была поставлена к празднованию Нового, 1919 года, непосредственное участие в подготовке спектакля приняла преподаватель рисования школы В. Д. Холопова-Новодворская.

«Звездочет». Эскиз костюма. Каталог, 52

По всей видимости, для постановки Вера Дмитриевна взяла сюжет и образы спектакля, пользовавшегося успехом в дореволюционном Петербурге. Речь идет об опере А. С. Танеева «Месть Амура», которая впервые была поставлена в придворном театре Эрмитажа в 1900 году и неоднократно исполнялась в 1900-1910-е годы. Художником-оформителем оперы был А. Н. Бенуа, для которого постановка стала первым выступлением в театре.

Можно предположить, что с театральной постановкой связаны и две работы из коллекции Национальной галереи Республики Коми, выполненные А. В. Холоповым 23 декабря 1918 года. Это эскизы костюмов Вельможи и Звездочета. Миристические традиции, салонность и изящность костюмов, присущая им «столичность» не могли не вызвать интерес у провинциальной публики.

Своя сцена была в Зырянском институте народного образования. Она была оформлена А. В. Холоповым еще к моменту открытия института, впоследствии приобретен занавес. В ЗИНО действовали два театральных кружка: под руководством Л. С. Куратовой и А. Н. Грена. Большая часть репертуара была зырянской, не требовавшей создания особых костюмов, однако постановка произведений русской и зарубежной классики была невозможной без приложения дополнительных художественных усилий. Так, с особой гордостью отмечались декорации и костюмы к пьесе Мольера «Доктор Поневоле». Спектакли шли, как правило, на зырянском языке, с самостоятельным переводом, обычно это были небольшие отрывки из пьес, включенные в ход литературного вечера, посвященного творчеству писателя. Примечательно то, что были и спектакли, созданные по драматически обработанному зырянскому эпосу. Так, в 1922 году на сцене ЗИНО прошла драма А. Н. Грена «Йиркап», ставшая первым из литературных произведений по коми эпическому сказанию о богатыре Йиркапе¹¹².

Активное участие в театральной жизни принимала дочь Холоповых Ариадна. Окончив школу второй ступени, она в 1921-1923 годах училась в Зырянском институте народного образования. Сохранились ее портреты, написанные А. В. Холоповым, в костюмах к постановкам: в роли цыганки в «живой картинке» «Цыганский табор», в роли Устины в пьесе А. Н. Островского «Праздничный сон – до обеда», в роли Жанны д'Арк на вечере Жуковского, в роли принцессы Ильзы в спектакле «Шахерезада». Эти костюмы, выполненные из подручных средств, имевшихся в уездном городе в период послереволюционной разрухи, тем не менее восходят к той атмосфере художественной жизни, которая осталась в памяти с петербургских времен¹¹³.

Таким образом, супруги Холоповы приняли активное участие в театральной жизни города: от художественного оформления до подбора репертуара любительских

«Звездочет». Эскиз костюма. Каталог, 51

Аriadна Холопова в роли принцессы Ильзы
в спектакле «Шахерезада». Каталог, 58

базе Московского училища живописи, ваяния и зодчества и Строгановского училища были образованы Государственные свободные художественные мастерские. После окончания учебы вернулся на родину, преподавал рисование в Визингской школе второй ступени № 1. В 1922-1923 годах он жил и работал в Усть-Сысольске, состоял в штате Кomi книжного издательства в качестве художника-иллюстратора. С созданием в 1923 году детской колонии в бывшем Кылтовском монастыре был назначен на должность руководителя художественной мастерской. В 1924 году жизнь художника трагически оборвалась¹¹⁷.

Вокруг профессионалов группировались любители, что расширяло круг художественной интеллигенции Усть-Сысольска. Так, иллюстратором журнала «Ордым» («Лесная тропа») был художник Л. В. Попов, обладавший прекрасным талантом рисовальщика. Он не смог получить образования, был мастером-самоучкой¹¹⁸.

Кроме художника, числящегося в штате издательства, к оформлению книг привлекались разные лица. Среди них – супруги Холоповы. В исследовании С. А. Беляевой, посвященном истории изобразительного искусства Республики Коми, указано, что два рисунка в книге «Выль тујöд» («По новому пути») приписываются А. В. Холопову. «Виньетка к сказке «Шипича» (1922) была создана В. Д. Холоповой-Новодворской к книге Н. Фролова «Шипича»¹¹⁹.

спектаклей на основе привязанностей и интересов, которые сложились во время их жизни в Петербурге.

Еще одной сферой приложения художественных сил стало книгоиздание.

Первую типографию в Коми крае организовал З. Д. Следников, который приехал в Усть-Сысольск из Великого Устюга. До 1917 года в ней было напечатано более шестидесяти книг. После революции типография была национализирована, и на ее базе появилось советское издательское дело¹¹⁴.

Коми книжное издательство образовано в декабре 1920 года в результате реорганизации издательского подотдела Наркомата национальностей. В соответствии с докладом заведующего издательским отделом Н. А. Кузьковова в его деятельности изначально были выделены три основные направления. Прежде всего, издательство являлось литературно-редакционным учреждением, направленным на возрождение коми литературы, с другой стороны, оно было школьно-научным, ставившим первоочередной задачей издание учебников на коми языке, в-третьих, оно само вело весь процесс издания книги от ее заказа и редактирования до распространения местным торговым учреждениям, включая и дела с типографией.

Часть издаваемых в Усть-Сысольске книг была иллюстрирована. Способ иллюстрирования – с помощью клише. Клише изготавливалось здесь же, вырезалось из дерева на основе рисунка. Так, в 1922 году было приготовлено 40 клише, среди иллюстрированных книг – «Шонди јутёр» («Луч солнца», 1921), «Мојдан кывјас» («Сказки», 1922), «Шыпас јörtöd» («Букварь», 1922) и др.¹¹⁵

С коми книжным издательством непродолжительное время была связана профессиональная деятельность художника М. Е. Покровского. Михаил Евгеньевич Покровский (1898-1924) – уроженец с. Слободы Зеленецкой волости Усть-Сысольского уезда, сын священника Слободской церкви Покровского Евгения Иоанновича¹¹⁶. Специальное образование получил в Москве: учился в Строгановском художественно-промышленном училище, окончил его в 1918 году, когда на

Аriadna Хлопова в роли цыганки в «Цыганском таборе». Каталог, 57

Помимо коми книжного издательства, имевшего литературно-образовательную направленность, собственные издания выходили у областного комитета РКП(б). С сентября 1922 по февраль 1923 года было издано шесть номеров журнала «Вестник Коми (зырянского) областного комитета РКП(б)». Редактором журнала был Е. О. Майхель, о котором уже говорилось выше. На наш взгляд, выход данного журнала – уникальное явление в партийном издательском деле. Прежде всего, по структуре самого журнала, который наряду с партийной руководящей информацией и инструкциями, социально-экономическими докладами включал и литературные страницы, и юмор (анекдоты)¹²⁰.

«Вестник Коми (зырянского) областного комитета РКП(б)» был первым иллюстрированным журналом, изданным в Усть-Сысольске. Давая общую характеристику оформлению журнала, можно сказать, что у него было «собственное лицо»: индивидуальное художественное решение имела обложка, в журнал включалось несколько иллюстраций, кроме того, статьи имели заставки, концовки, виньетки.

У Е. О. Майхеля была собственная примитивная лаборатория, которая позволяла печатать с помощью фототипии

Виньетка к сказке «Шипичка». Каталог, 141

или ксилографии. Она была привезена им в Усть-Сысольск, использовалась в издательской работе, а в конце 1922 года на страницах журнала была предложена для приобретения местной типографией.

Предположительно, Е. О. Майхель, по проекту которого в Усть-Сысольске был воздвигнут первый памятник, рисовал и для журнала. Однако часть рисунков (сцена из жизни детей, изображение пахаря), опубликованных в № 4 за 1922 год, приписывается А. В. Холопову.

Конечно, востребованность в художественном оформлении издательской продукции в Усть-Сысольске была низкой, и вложить те идеи, которые отвечали тщательному оформлению книг мирикунскими, даже с технической точки зрения здесь было невозможно. Тот факт, что клише для рисунков изготавливались на месте, а не привозились, как ранее, свидетельствует о появлении профессионального отношения к искусству книжной иллюстрации. Такой подход был отчасти связан и с тем, что значительную долю изданий составляла национальная литература, в том числе и книги для детей.

Свидетельством налаживания художественной жизни стали также выставки. Они регулярно проводились в Зырянском институте народного образования и были напрямую связаны с принятой к практическому применению методологией краеведческого изучения страны, разработанной сотрудниками Петроградского экспкурсионного института И. М. Грэвсом и Н. П. Анциферовым, о которых говорилось выше. В ходе экспедиций, организованных институтом в летний период, преподаватели и студенты делали рисунки, представляемые на последующих экспозициях.

Летом 1921 года в Зырянском институте народного образования была устроена выставка работ, выполненных во время экспедиции весной этого же года, большей частью чисто этнографического содержания. Известно, что на выставке была представлена картина А. Н. Поросятникова «Сіントом-Мішк» («Слепой Михаил»), а также другие картины и наброски художника¹²¹.

В 1924 году в экспедиции под руководством А. Н. Грена участвовал учащийся В. Поляков, выполнивший шесть рисунков и две зарисовки, которые были приложены к отчету¹²².

Уже после отъезда А. В. Холопова, во второй половине 1920-х годов в Усть-Сысольске появились первые художественные коллекции, в составе которых были произведения русского и зарубежного изобразительного искусства, привезенные из Москвы ученым-этнографом и общественным деятелем Д. Т. Яновичем. Произведения, привезенные в 1926 году, были частично показаны на выставке, посвященной 10-летию Октябрьской революции, которая состоялась на базе Областного краеведческого музея. В художественный раздел выставки вошли и произведения местных художников.

На страницах журнала «Коми му» («Земля Коми») был опубликован обзор выставки. Впервые в прессе Усть-Сысольска обсуждались достоинства и недостатки художественных произведений, при этом крайне негативную оценку получили работы А. Н. Поросятникова¹²³. Подвергнутый критике, художник вскоре уехал в Москву. Его отъезд стал последним звеном, отде-

Автопортрет. Каталог, 142

лившим время работы в Усть-Сысольске первых профессиональных художников от процесса складывания нового поколения национальной художественной интеллигенции. В Усть-Сысольске не осталось «старых кадров», и В. В. Полякову пришлось опереться на учащуюся молодежь, активизируя художественную жизнь города. Нить преемственности поколений оказалась «забытой», что привело к утверждению в советской историографии положения о зарождении художественной жизни в Коми АССР в 1930-е годы.

Таким образом, из всех сфер агитационного искусства, которым придавалось первостепенное значение в идеологии Советского государства, наибольшее распространение в Коми области получил театр. Вокруг театра, в первую очередь, разворачивалась и художественная жизнь. К искусству сценографии были привлечены все имевшиеся в Усть-Сысольске художественные силы. Оформление спектаклей занимало не последнюю роль в популяризации театра. Увлеченность семьи Холоповых театром еще в Петербурге привнесла в этот процесс дух столичности, особой культуры сценического искусства.

Другой развивавшейся областью, в которой было востребовано изобразительное творчество, стала литература. Возможности имевшейся в Усть-Сысольске типографии были невелики для воплощения художественного оформления книг, однако уже первые издания содержат элементы, характерные для миристических традиций, поднявших искусство книги на небывалую ранее высоту. Развитие коми национальной литературы в самых разных ее жанрах (поэзии, фельетона, рассказа и др.) и направлениях, в том числе книг для детей, привело к развитию книжной иллюстрации.

В послереволюционные годы в Усть-Сысольске сложился круг профессионалов, имевших непосредственное отношение к изобразительному искусству. Их подвижническая деятельность активизировала художественную среду Усть-Сысольска. Ее результатом стало обсуждение художественных аспектов различных мероприятий, нередко попадавших на страницы местной периодической печати. Воспитание художественного вкуса населения шло через обсуждение спектаклей, книжных изданий, произведений изобразительного искусства. Все это явилось новым этапом в формировании художественной среды Усть-Сысольска и его окрестностей.

¹ Попов А.А. Семья Керенского в Усть-Сысольске // Ориентир. 1991. № 11-12. С.18-25; Попов А.А. Документы свидетельствуют / А.А. Попов // Служим Отечеству: Органы государственной безопасности Республики Коми (документы, материалы, воспоминания: 1918-1998). Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1998. С.43-51; Покаяние : Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий / сост. М.Б. Рогачев; Коми респ. обществ. фонд «Покаяние». Сыктывкар, 2000. Т. 3. С. 20; История Республики Коми с древнейших времен до конца XX века: в 2 т. / под ред. Сметанина А.Ф. Сыктывкар, 2004. Т. 2. С. 223; Дойков Ю.В. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография (1889-1922) / Ю. Дойков. Архангельск, 2008. Т. 1. С. 204, 375-376.

² Сорокин П.А. Долгий путь. Сыктывкар, 1991. С. 292.

³ «Революция в России... будет... длительная, невиданная в мире неурядица» (Воспоминания Э. О. Бруцкус) / вступ. статья и коммент. Л.И. Петрушевой // Отечественные архивы. 1997. № 1. С. 55-99.

⁴ Б.Д. Бруцкус в 1918-1922 гг. состоял членом Ученого комитета при Комиссариате земледелия. Став участником и идеологом журнала «Экономист», выступал на его страницах с поддержкой новой экономической политики, резко высказывался в адрес большевиков, возложив на них ответственность за массовый голод 1921 г. В 1922 г. он был выслан в Германию, в эмиграции жил и работал в Берлине и Иерусалиме.

⁵ Весь Петербург на 1913 г. СПб., 1913. С. 228.

⁶ В семье Бруцкусов было три сына – Михаил (1903-1949), Леонид-Элиезер (1907-1987), Давид-Анатоль (1910-1999). Младший из сыновей стал известным израильским архитектором, градостроителем и художником, одним из авторов генерального плана развития Иерусалима.

⁷ По свидетельству современников, О. Л. Керенская была сторонницей демократических преобразований в России, однако ее семейная жизнь сломалась на пике политической карьеры мужа. В годы революции и гражданской войны она пыталась сама зарабатывать на жизнь, в 1921 г. эмигрировала, поселилась в Англии, свою судьбу с бывшим мужем больше не связывала. Олег Александрович Керенский (1905-1984) стал инженером-мостостроителем, руководил возведением знаменитого моста через Босфор в Турции, строил мосты

в разных странах, более всего в Великобритании; был удостоен титула Командора Британской Империи. В его честь в Англии каждые два года проводятся международные научные конференции, Керенские чтения, на которые съезжаются мостостроители со всего мира. Менее известна профессиональная деятельность младшего сына А.Ф. Керенского – Глеба (1907-?), инженера-электрика.

⁸ Мария Васильевна Барановская по линии отца принадлежала к известному роду Васильевых. Ее отец Василий Павлович Васильев (1818-1900) – выдающийся русский китаевед, академик Петербургской Академии наук, брат А.В. Васильев (1853-1929) – крупный математик и историк математики, член 1-ой Государственной Думы, член Государственного Совета и ЦК кадетской партии, племянник Н.А. Васильев (1880-1940) – оригинальный философ, один из родоначальников современной неоклассической логики, известный и как поэт-символист (Бажанов В.А. Каинки – территория любви // Родина. 2006. № 6. С. 106-108).

⁹ «Революция в России...». С. 71.

¹⁰ Там же. С. 73.

¹¹ Это добротный деревянный дом по улице Снежной. Дом был построен отцом А. В. Холопова Викентием Павловичем (1852-1912). Считается, что именно в этом доме и останавливалась О. Л. Керенская. В настоящее время дом принадлежит частным лицам.

¹² «Революция в России...». С. 74.

¹³ Керенская О.Л. В редакцию газеты «Зырянская жизнь» // Зырянская жизнь. 1918. 20 июня.

¹⁴ «Революция в России...». С. 75

¹⁵ Там же. С. 77

¹⁶ Керенская О.Л. Мертвые молчат. Победителей не судят / О. Л. Керенская, публ. С.Г. Керенского // Звезда. 1998. № 2. С. 102-121.

¹⁷ Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда: в 2 кн. Кн. 1. Проблемы формообразования. Мастера и течения. / С.О. Хан-Магомедов. М., 1996. С. 11.

¹⁸ Луначарский А.В. Об изобразительном искусстве: в 2 т. М., 1967. Т. 2. С. 46.

¹⁹ Зырянская жизнь. 1919. 12 апреля.

²⁰ Майхель Евгений Осипович родился в 1882 году, рабочего происхождения, образования не получил, с 1898 г. занимался партийной работой, содержал конспиративную квартиру, был арестован по политическим мотивам, наказание отбывал в Екатеринославской и Таврической тюрьмах. В 1917 г. вступил в РКП(б). В Усть-Сысольске в 1921-1922 гг. заведовал архитектурно-строительным подотделом обкомгосообра, в 1923-1924 – заведующий подотделом печати обкома РКП(б). Данных о последующих годах жизни Е. О. Майхеля на настоящий момент не выявлено; возможно, был репрессирован (Личное дело Е. О. Майхеля: НА РК. Хранилище 2. Ф. П-18. Оп. 1. Д. 573).

²¹ Зырянская жизнь. 1920. 3 июня.

²² НА РК. Ф. Р-193. Оп. 3. Д. 2-а. Л. 5, 44.

²³ Хмельницкий Д.С. Сталин и архитектура. М., 2004. С. 16.

²⁴ Из истории советской архитектуры 1917-1925 гг. Документы и материалы / под ред. К.Н. Афанасьева, сост. В.Э. Хазанова. М., 1963. С. 231; Хазанова В.Э. Советская архитектура первых лет Октября / В.Э. Хазанова. М., 1970. С. 77.

²⁵ Рогачев М.Б. Столица зырянского края: очерки истории Усть-Сысольска конца XVIII - начала XX веков / М.Б. Рогачев. Сыктывкар, 2006. С. 204, 206.

²⁶ Шомысова Е.Е. История спорта Республики Коми / Е.Е. Шомысова. Сыктывкар, 2003. С. 18, 32, 41, 44, 54, 62, 74, 83.

²⁷ Связь времен / сост. И.Л. Жеребцов, М.И. Курочкин. Сыктывкар, 2000. С. 266, 272, 280.

²⁸ Запись в спортклуб «Заря» // Зырянская жизнь. 1920. 6 марта.

²⁹ История Республики Коми с древнейших времен до конца XX века: в 2 т. / под ред. А.Ф. Сметанина Сыктывкар, 2004. Т. 2. С. 43.

³⁰ НА РК. Ф. Р-525. Д. 44. Л. 26.

³¹ Пясецкий В. Схематические планы новых зданий для народных развлечений, находящихся в ведении попечительств о народной трезвости. (Изданные Главным управлением неокладных сборов и казенной продажи питей) // Строитель. Вестник архитектуры, домовладения и санитарного зодчества. 1899. № 15-16. Стлб. 561-576. (Зеленко А., Кондаков И. Как построить Народный Дом / А. Зеленко, И. Кондаков // Народные дома. М., 1917. С.34-99).

³² Рогачев М.Б., Цой А.И. Усть-Сысольск: страницы истории. Сыктывкар, 1989. С. 144.

³³ Благое начинание //Зырянская жизнь. 1918. 11 июля.

³⁴ НА РК. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 79. Л. 3-4; Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 105. Л. 66-69.

³⁵ НА РК. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 19. Л. 24.

³⁶ ул. Коммунистическая, 2; в настоящее время в нем находится этнографический отдел Национального музея Республики Коми.

Здание является одной из каменных дореволюционных построек Усть-Сысольска, центральная часть выполнена в 1899-1900 гг., в 1906-1907 гг. к ней с двух сторон были пристроены одноэтажные «крылья». Первоначально принадлежало устюжскому купцу второй гильдии Ф. И. Охлопкову, с 1906 г. – устюжским купцам М., Г. и И. Дербеневым.

- ³⁷ Югыд туй. 1923. 1 мая. С. 7.
- ³⁸ Кириченко Е.И., Щеболева Е.Г. Русская провинция / Е.И.Кириченко, Е.Г. Щеболева. М., 1997. С. 176-177.
- ³⁹ История Сыктывкара / гл. ред. И.Б. Берхин. Сыктывкар, 1980. С. 128.
- ⁴⁰ НА РК. Ф. Р-148. Д. 43. Л. 43.
- ⁴¹ НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1902. Л. 34.
- ⁴² НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1902. Л. 1. Здание метеостанции было построено в районе современной ул. Чернова, вблизи корпусов КНЦ УрО РАН; снесено в 1950-е гг. в связи с плановой застройкой.
- ⁴³ НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1902. Л. 4.
- ⁴⁴ НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1904. Л. 121.
- ⁴⁵ В предреволюционные годы в предместье Усть-Сысольска Кируле запланировали строительство деревянного храма. В 1916 г. для этой цели на средства прихожан был приобретен строевой лес, проданный лесопромышленником Лукой Осиповым. В 1922 г. на общем собрании жители приняли решение использовать все заготовленные материалы на строительство новой школы, поскольку помещения церковно-приходской школы, в которой проходило обучение школьников, не хватало. Тогда же избрали строительную комиссию в составе 11 человек, решили провести кампанию по сбору недостающих средств. В течение года за счет добровольных взносов, пожертвований и средств от комсомольских субботников было собрано 11 тысяч рублей. (История Сыктывкара / гл. ред И.Б. Берхин. Сыктывкар, 1980. С. 128.)
- ⁴⁶ Павлюшин С.Е., Крутиков А.В. Недвижимое историко-культурное наследие Республики Коми. Красная книга / С.Е. Павлюшин, А.В. Крутиков. Сыктывкар, 2007. С. 85; Министерство культуры Республики Коми. Текущий архив. Паспорт памятника истории и культуры Республики Коми «Здание школы № 13. Ул. Савина, 37».
- ⁴⁷ НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 211. Л. 45; Д. 212. Л. 18.
- ⁴⁸ Эткинд М.Г. А.Н. Бенуа и русская художественная культура / М.Г. Эткинд. Л., 1989. С. 300.
- ⁴⁹ НА РК. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 126. Л. 90.
- ⁵⁰ Цембер вернулся в 1918 г. в Усть-Сысольск, продолжал интересоваться деятельностью музея, однако его имя в дальнейшем было непосредственно связано с организацией и заведованием Коми областным архивом. (Цембер А.А. Дневник / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Л.П. Рошевской. Сыктывкар, 1997. С. 72.)
- ⁵¹ НА РК. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 126. Л. 67.
- ⁵² НА РК. Ф. Р-185. Оп. 1. Д. 96. Л. 38.
- ⁵³ Зырянская жизнь. 1919. 12 июля.
- ⁵⁴ Докладная записка на отношение Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 19 октября 1923 г. за № ПУ 852/р. (НА РК. Ф. Р-148. Оп.1. Д. 126. Л. 78-79.)
- ⁵⁵ Покровская церковь – первое каменное сооружение Усть-Сысольска, ее возведение началось в 1735 г. на средства усть-сысольских купцов Сухановых. Одноэтажная церковь была построена и освящена в 1740 г. В 1753 г. рядом с Покровской была заложена Троицкая церковь. Ее строительство было завершено в 1768 г. Эти церкви составили Троицкий собор. Окончательно ансамбль сложился в начале XIX в., когда над Покровской церковью была сооружена надстройка, получившая название Спасской церкви. В дальнейшем ансамбль каменных построек Усть-Сысольского Троицкого собора не менялся. Памятник разрушен в 1933 году. (Рогачев М.Б. Указ. соч. С. 143-144).
- ⁵⁶ Церковь Вознесения в местечке Кируль сохранилась до настоящего времени. Каменная церковь была построена в 1820 г. вместо деревянной, выполнена в стиле классицизма, имеет выразительный архитектурный облик, представляя собой тип храма с ротондой и куполом.
- ⁵⁷ НА РК. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 126. Л. 78.
- ⁵⁸ НА РК. Ф. Р-185. Оп. 1. Д. 110. Л. 8. В селах находятся храмы, сохранившиеся до настоящего времени, возведенные в честь Стефана Пермского. В селе Ыб (в настоящее время Сыктывдинский район) – деревянная часовня, построенная в 1896 г. по проекту губернского инженера Н. Пухлова, в селе Вотча (Сысольский район) – кирпичное здание церкви 1829-1843 гг. постройки. (Атлас Республики Коми / науч. ред. и сост. Э.А. Савельева. М., 2001. С. 323-324.)
- ⁵⁹ Пиксанов Н.К. Два века русской литературы / Н.К. Пиксанов. М., 1923. С. 8, 10.
- ⁶⁰ Анциферов Н.П. Из дум о былом. Воспоминания/ Н.П. Анциферов; вступ. ст., сост., примеч. и аннот. указ. имен А.И. Добкина. М., 1992. С. 402.

- ⁶¹ НА РК. Ф. Р-235. Оп. 1. Д. 30. Л. 112.
- ⁶² НА РК. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 126. Л. 85-88.
- ⁶³ РГАЛИ. Ф. 727. Оп. 1. Д. 40. Л. 163-164.
- ⁶⁴ Всероссийская выставка художественной промышленности. 1923. № 3. 20 апреля. С. 6.
- ⁶⁵ Фритьоф Нансен (1861-1930) – норвежский полярный исследователь и ученый, лауреат Нобелевской премии мира за 1922 г. Последние десять лет своей жизни посвятил гуманитарной деятельности, большая часть которой была связана с Россией. Являясь членом Совета Лиги Наций, исполнял обязанности верховного комиссара по делам русских беженцев и верховного комиссара по борьбе с голodom в России. Миссия Ф. Нансена находилась в Москве с 1921 г., среди вопросов, которыми она занималась, – депатриация русских эмигрантов, прием благотворительных продовольственных посылок из-за границы и пр.
- ⁶⁶ Тугендхальд Я. Выставка в миссии Ф. Нансена // Известия ВЦИК. 1923. 25 января.
- ⁶⁷ НА РК. Ф. Р-148. Оп. 1. Д..150. Л. 181.
- ⁶⁸ НА РК. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 126. Л. 89-90.
- ⁶⁹ А.Н. Грен (1862-1932) – ученый и общественный деятель, лингвист и этнограф, окончил Санкт-Петербургский университет, приват-доцент Харьковского и Киевского университетов. В 1920-е гг. жил в Усть-Сысольске, преподавал в Зырянском (Практическом) институте народного образования.
- ⁷⁰ Они любили край родной / отв. ред. и сост. И.Л. Жеребцов. Сыктывкар, 1993; Бурлыкина М.И. А. С. Сидоров. Жизнь и творчество / М.И. Бурлыкина. Сыктывкар, . С. 111-113, 119-120.
- ⁷¹ НА РК. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 126. Л. 76.
- ⁷² НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1902. Л. 5.
- ⁷³ Здание бывшего духовного училища является памятником истории и архитектуры, построено в 1890 г., находится по адресу: ул. Кирова, 44, в настоящее время – Национальная галерея Республики Коми.
- ⁷⁴ НА РК. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 126. Л. 79.
- ⁷⁵ Д.И. Розанов – общественный и научный деятель, окончил два факультета Московского университета: естествознания с дипломом первой степени и медицинский – кандидата естественных наук. С августа 1911 г. жил в Коми крае, с сентября 1917 г. – в Усть-Сысольске. Активный участник Октябрьской революции и гражданской войны в Коми крае. (Бурлыкина М.И. Указ. соч. С.118.)
- ⁷⁶ НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1902. Л. 5.
- ⁷⁷ История Республики Коми с древнейших времен до конца XX века: в 2 т. / под ред. А.Ф. Сметанина. Сыктывкар, 2004. Т. 2. С. 429.
- ⁷⁸ НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1902. Л. 10.
- ⁷⁹ НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1902. Л. 19, 21.
- ⁸⁰ НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1904. Л. 36.
- ⁸¹ НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1904. Л. 74 – 76.
- ⁸² НА РК. Ф. Р-235. Оп.1. Д. 33. Л. 4, 226.
- ⁸³ НА РК. Ф. Р-235. Оп.1. Д. 16. Л. 1.
- ⁸⁴ НА РК. Ф. Р-235. Оп.1. Д. 1. Л. 6-7.
- ⁸⁵ Зырянская жизнь. 1920. 11 декабря.
- ⁸⁶ НА РК. Ф. Р-235. Оп.1. Д. 23. Л. 110.
- ⁸⁷ НА РК. Ф. Р-235. Оп.1. Д. 30. Л. 89.
- ⁸⁸ НА РК. Ф. Р-235. Оп.1. Д. 23. Л. 44.
- ⁸⁹ Бондаренко О.Е. Выпускники учебных заведений Петербурга в Коми крае (конец XIX - начало XX вв.) / О.Е. Бондаренко // Чтения, посвященные 100-летию Ф.Г. Тараканова: сб. докл. и сообщ. Сыктывкар, 2000. С. 56-60; Рогачев М.Б. Столица зырянского края: очерки истории Усть-Сысольска конца XVIII – начала XX веков / М.Б. Рогачев, Сыктывкар, 2006. С. 99.
- ⁹⁰ Ползунов П.П. История Усть-Сысольского городского училища. Усть-Сысольск, 1912. С. 158-159.
- ⁹¹ НА РК. Ф. 182. Оп.1. Д. 97. Л. 47.
- ⁹² НА РК. Ф. Р-235. Оп.1. Д. 33. Л. 2, 4, 5.
- ⁹³ НА РК. Ф. Р-235. Оп.1. Д. 23. Л. 20.
- ⁹⁴ НА РК. Ф. Р-148. Оп.1. Д. 60. Л. 148-150.

- ⁹⁵ НА РК. Ф. Р-235. Оп.1. Д. 6. Л. 14.
- ⁹⁶ Золотарев О.В. Коми ИНО / О.В. Золотарев // Музеи и краеведение. Сыктывкар, 2001. Вып. 3. (Труды Национального музея Республики Коми). С. 278.
- ⁹⁷ Бурлыкина М.И. Указ. соч. С. 147.
- ⁹⁸ НА РК. Ф. Р-148. Оп.1. Д. 58. Л. 69.
- ⁹⁹ НА РК. Ф. Р-148. Оп.1. Д. 105. Л. 169.
- ¹⁰⁰ Попов Е. Вдохновенный труд // Красное знамя. 1960. 22 декабря.
- ¹⁰¹ НА РК. Ф. Р-148. Оп.1. Д. 58. Л. 36.
- ¹⁰² НА РК. Ф. Р-235. Оп.1. Д. 5. Л. 36.
- ¹⁰³ НА РК. Ф. Р-148. Оп.1. Д. 112. Л. 255.
- ¹⁰⁴ Кублицкий В. В. Близкое, родное...: очерки об изобразительном искусстве Республики Коми / В. Кублицкий. Сыктывкар, 1975. С. 7.
- ¹⁰⁵ НА РК. Ф. Р-148. Оп.1. Д. 88. Л. 47-48.
- ¹⁰⁶ Козлова Д.Т. История театральной и музыкальной культуры Республики Коми. XX век / Д.Т. Козлова. Сыктывкар, 2007. С. 18.
- ¹⁰⁷ РГИА. Ф. 789. Оп. 13. 1909 г. Д. 150. Л. 4, 13, 25-26, 35, 41.
- ¹⁰⁸ Вскоре М. И. Кынев уехал в Петербург, поселился в г. Павловск. В 1923 г. он принял участие в выставке картин петроградских художников всех направлений, которая была открыта в залах Академии художеств. Погиб художник во время Великой Отечественной войны в 1942 г.
- ¹⁰⁹ Зырянская жизнь. 1920. 8 мая.
- ¹¹⁰ Зырянская жизнь. 1920. 19 июня.
- ¹¹¹ Зырянская жизнь. 1919. 1 января.
- ¹¹² Ииркап – один из наиболее известных богатырей коми-зырянского эпоса. В первой половине 1920-х гг. легенда о богатыре была записана А.Н. Греном и литературно обработана. В 1929 г. в журнале «Записки Общества изучения Коми края» (Выпуск 2) вышла публикация А.Н. Гrena «Ииркап. Драматические сцены из былинного эпоса коми». (НА РК. Ф. Р-235. Оп.1. Д. 17. Л. 39). Современный вариант сказания опирается на запись, сделанную Г.А. Федоровым в 1946 г.
- ¹¹³ Можно предположить, что ряд постановок был сделан В.Д. Холоповой-Новодворской по мотивам виденных и вызвавших особое эмоциональное впечатление спектаклей. Так, в 1913 г. близкий друг семьи К.С. Петров-Водкин работал над оформлением трагедии Шиллера «Орлеанская дева» для театра К.Н. Незлобина. (Петров-Водкин К.С. Письма. Статьи. Выступления. Документы / К.С. Петров-Водкин; вступ. ст. Е.Н. Селизарова ; comment. Е.Н. Селизарова. М., 1991. С. 162-164, 168). Еще больший резонанс среди любителей искусства имела постановка «Шахерезады». Симфоническое произведение Н.А. Римского-Корсакова, премьера оперного исполнения которого состоялась в 1888 г., в ходе Русских сезонов Дягилева в Париже приобрело новое звучание. На музыку хореографом М. Фокиным был поставлен балет, художником и автором либретто был Л.С. Бакст. Оба спектакля неоднократно показывались в Петербурге.
- ¹¹⁴ Рощевская Л.П. Первая типография в Коми крае / Л.П. Рощевская. Сыктывкар, 1996. С. 10.
- ¹¹⁵ НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1883. Л. 60-118.
- ¹¹⁶ Краткие сведения о храмах и причатах церковных Коми края до 1917 года / сост. Л. Торопова. Сыктывкар, 2002. С. 79-80.
- ¹¹⁷ НА РК. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 150. Л. 204. В фондах Национального музея Республики Коми сохранились единичные работы художника (пейзажные этюды), которые позволяют говорить о нем как талантливом живописце.
- ¹¹⁸ Леонид Васильевич Попов – самодеятельный художник, сотрудничал в литературно-художественном и общественно-политическом журнале «Ордым» («Лесная тропа»). Его рисунок с охотником, идущим по лесной тропе, украшал обложку журнала в 1927-1929 гг. Был талантливым художником-анималистом, по заказу правления «Северпушнина» писал картины маслом о жизни пушных зверей и промысловых птиц. В 1920-1930 гг. оформлял обложки книг коми писателей и поэтов, рисунки публиковали также журналы «Северный охотник» и «Уральский охотник».
- ¹¹⁹ Беляева С.А. Становление и развитие профессионального изобразительного искусства в Коми АССР (середина 1910-х - 1980-е гг.): дисс. ... канд. ист. наук / С.А. Беляева; Сыкт. гос. ун-т. Сыктывкар, 2001. С. 66.
- ¹²⁰ В № 2 за 1922 г. был опубликован сатирический рассказ самого Майхеля «Восьмилетняя спячка (Сказка для бородатых детей)». Речь в нем идет о надворном советнике Виссарионе Сосипатровиче Рыкалове, который летом 1914 г. заснул в погребе своего дома, а проснулся только 20 октября 1922 г. Советник проспал первую мировую войну, Февральскую и Октябрьскую революции, гражданскую

войну и интервенцию. В конце рассказа он сошел с ума и попал в сумасшедший дом. Довела его по сумасшествия цена за чашку кофе в 500 тыс. рублей, которую дореволюционный обыватель не смог бы представить и в самом кошмарном сне. Такой подход к журналу не мог продержаться долго – он был закрыт по постановлению ЦК РКП (б) «за превращение серьезного партийного органа в журнал сатиры и юмора».

¹²¹ НА РК. Ф. Р-235. Оп. 1. Д. 5. Л. 9.

¹²² Сова В.А. Несколько штрихов к творческому портрету художника В.В. Полякова / В.А. Сова // Художественные коллекции и их роль в формировании культурной среды региона: материалы науч.-практич. конф. / ред.: Л.И. Кочерган (отв. за вып.), Н.Ж. Беляева. Сыктывкар, 2009. С. 74.

¹²³ Наибольшее внимание в журнальной заметке было удалено картине «Усть-Куломский бунт», которая была негативно оценена как по мастерству исполнения, так и по содержанию: «...он выбрал момент не самого бунта, не момент неповиновения крестьян администрации, не их борьбу с приехавшими чиновниками, а момент уже последующий, когда власти силою оружия подавили мятеж и жестоко расправляются с зачинщиками восстания, – момент, сам по себе мало интересный, заурядный, так как в те времена порка была делом обычным, трудно согласиться и со своеобразным исполнением этой картины, при котором автор пожелал отойти от основных правил живописи, благодаря чему рисунок искажен, а фигуры действующих лиц лишены всяких пропорций, имеют уродливый вид и тем вызывают недоумение у зрителей». (Коми му. 1927. № 10-11. С. 76.)